

Олег СЛОБОДЧИКОВ

КАМЕННЫЙ ЛЕС

повесть

Мой дед, бывший механик парохода, часто вспоминал про какой-то город на нашей реке, которого нет ни на одной карте. Он говорил, что много раз видел с фарватера красивые каменные дома за высокими тополями, большую мраморную лестницу, которая, спускается к самой воде. А причала у города нет. Не видел он в том городе ни людей, ни лодок, один только сторожевой катер на якоре: маленький, но внушительный, тот своим видом отбивал всякую охоту приставать самовольно. Дед гулко, до слез, кашлял от едкого махорочного дыма, виновато поглядывал на слушателей, думая, что ему не верят, и начинал оправдываться:

— Сколько раз уговаривал кэпа подойти к берегу и встать на якорь, будто пробоина или машину клинит. А тот все за свои лычки трясся: ему на дома указываешь, а он пальцем в карту - нет города, значит, причаливать нельзя, а то покажут и пробоину, и машину, и куськину мать. Так и проходили, все рядом да около.

Бабушка у меня была тоже с причудами: раз двадцать за день могла спросить об одном и том же, имена внуков путала, а детство свое хорошо помнила, и рассказывала о нем не сбиваясь, не переиначивая.

Я же детства не помнил совсем: говорили - тринадцати лет утонул, долго лежал в реанимации, а когда пришел в себя – будто заново родился. Мне так много и навязчиво рассказывали про меня, бывшего, что я даже невзлюбил утопленника. Бывало, кто-нибудь только посмотрит на меня затуманенным взглядом, я уже знаю, о чем начнется разговор и стараюсь улизнуть с глаз.

Особенно жалеть о забытом мне не приходилось. Я стал легко и с интересом учиться, раньше других понял, чего хочу добиться в жизни и как это сделать.

Будущее представлялось мне ясным, а жизнь казалась устроенной просто и надежно, как бабушкин сундук. В переломном возрасте, когда все взрослые резко поглупели, я посмеивался даже над дедом, в семьдесят лет вздыхавшем о каком-то городе, которого нет... Со мной ничего подобного случиться не могло.

В суетные дни перед защитой диплома заболел мой преподаватель- рецензент. Времени было в обрез, мне пришлось разыскать его домик в старом пригороде, где в древних домах, окруженных старыми, высокими тополями, доживала свой век профессура доисторических времен. Дверь мне приоткрыла сморщенная старушка, опасно зыркнула через щель.

— Нет его,— торопливо прошамкала беззубым ртом.— В больницу ушел. Вернется через два часа, а то и к обеду.

Я побродил по оттаявшим улочкам с веселыми разливами луж, вышел к клубу, размещенному в старой церкви со срубленными куполами. Над полукруглым окном кассы висела афиша. На загрунтованной расслаивающейся фанерке рукой уборщицы или очень нетрезвого художника, вкривь и вкось расплывались не-

ряшливые синие буквы: “ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ДЕТСТВА”. Нач. 11, 13, 15 и 19 час”.

Буквы “Нач.” были затерты чьим-то послунявленным пальцем, над ними вписано авторучкой: “отправление”.

Часы показывали без четверти одиннадцать. Сияло полуденное солнце, но в воздухе висела весенняя прохлада утра. Возле клуба неторопливо бродили отошавшие за зиму куры, с любопытством и с опаской косились на прохожих. Народу у кассы не было. Прижимая к груди аккуратный сверток, на высоком крыльце, возле тяжелой кованной железом двери, стояла одна только стройная девушка в черных брючках и тонком свитере

Я отметил про себя, что она очень даже в моем вкусе и, внимательно разглядывая афишу, думал, как с пользой скоротать время, не имея при себе учебника? Мне показалось, что девушка пристально следит за мной. Уже складывалась в голове первая фраза, которая должна была поразить ее воображение глубиной ума, высокой эрудицией и тонким юмором, рука непроизвольно выгребла из кармана всю мелочь, поскольку я сомневался - хватит ли ее на два билета. Девушка решительно шагнула ко мне:

— Вам на одиннадцать часов? – спросила голосом, от которого я вдруг растерялся. - У меня - лишний билет...

Мы вошли в крошечное фойе без окон. Здесь в ожидании сеанса томились несколько скучавших парочек. Я почувствовал, что уже готов показать себя с лучшей стороны, посмотрел на девушку внимательно, даже чуть было не раскрыл рот, но она, мило улыбнувшись, отошла к группе знакомых. Я вздохнул и посмотрел ей вслед: это была именно та, которую так хотелось встретить уже несколько лет сряду. Пришлось пройти в полупустой зал одному и занять место. Перед третьим звонком моя незнакомка подошла ко мне и села рядом, на место указанное в ее билете, хотя других свободных было много.

Снова сбитый с толку происходящим, я стал лихорадочно подбирать слова для беседы. Погас свет, зазвучала музыка. Кто-то подошел в темноте, склонился над моей соседкой и шепнул ей несколько слов. Она встала, положив мне на колени сверток, сказала, что скоро вернется. Но закончился фильм, а девушка так и не появилась.

Народ потянулся к выходу. Щурясь от полуденного солнца, я вышел к кассе, внимательно осмотрелся, сел на свободную лавочку. Нужно было спешить к рецензенту, но что делать со свертком? Я вынужден был развернуть его и обнаружил под газетой потрепанный томик Марка Твена. Это был шанс. Щелкнув авторучкой, я вернулся к той самой афише, которая через несколько минут обещала новой партии зрителей “отправление” в страну детства, на чистом уголке нацарапал: «Твена пришлось взять с собой, звоните по телефону... Игорь».

После встречи с преподавателем, в трамвае, от безделья получасовой езды, я вновь развернул сверток и наугад раскрыл книгу, а когда оторвал глаза от слегка затрепанных страниц, салон был пуст, водитель, лязгнув раздвижной дверью, раздраженно крикнул: «Отстой!» Мне пришлось пересест в другой трамвай и выбираться домой с другого конца маршрута.

Вместо подготовки к госэкзаменам я два дня читал, и впервые делал это не по программе. Покачивались тополя под окнами, сигналили машины на перекрестке, нечленораздельно урчали на кухне водопровод и приемник городской трансляции.

Последний вдруг затрещал от попавшего в сеть электрического разряда, затем из него громко и внятно прозвучал поставленный актерский баритон: «Не бойся, в конце пути ты встретишь ту, которая послала тебя».

Я бросился на кухню, до отказа повернул регулятор громкости. Раздались какие-то хрипы, шипение, потом приемник и вовсе умолк.

По моим соображениям художественная литература создается для отдыха, зачем истязают школьников всякими там образами татьян и катерин я не понимал. То, что происходило со мной после чтения этой книги, было наваждением: вместо подготовки к последнему экзамену я глотал строчку за строчкой, страницу за страницей, хотел остановиться и не мог.

Ну, наконец-то... С негодованием перевернул последнюю страницу, собираясь, принять душ, привести в порядок чувства, зашвырнуть книгу на самую дальнюю полку и забыть о прочитанном. Но под обложкой лежала тонкая калька. Это была карта со схемой знакомой мне окраины города, где расположен леспромхоз и ветка узкоколейной линии до поселка лесорубов... Вдоль схемы полотна тянулась цепочка красных стрелок. Пунктирная линия отрывалась от узкоколейки возле поселка и уходила в сторону горной речки, о которой я слышал от плотогонов. Это был приток, впадавший в реку километрах в тридцати за городом. Пунктирная линия тянулась до его устья, спускалась по Большой реке, затем поднималась по другому притоку к горным вершинам. Часть карты была исписана мелким каллиграфическим почерком. Это были примечания к маршруту.

Даже моих скромных знаний географии хватало, чтобы усомниться в ее достоверности. Я заказал в библиотеке крупномасштабную карту области и, сравнив ее с найденной, убедился, что, вычерченный прямым, маршрут, в действительности, должен делать огромный круг. При желании к конечной цели – к какому-то каменному лесу - можно было добраться дня за два, а не тащиться в обход две недели. Кому понадобилось с такой аккуратностью тратить силы и уйму времени на изготовление фальшивки?

Впервые я столкнулся с тем, чего не мог объяснить и случилось это в самое неподходящее время. Злой и возмущенный чьей-то нелепой шуткой, я вышел из библиотеки - нужно было, во что бы то ни стало, сосредоточиться и заставить себя не думать о взбалмошной девчонке с ее книгой и картой. И тогда я сказал себе:

- Странный способ назначать свидания! Могла бы просто позвонить... Ну что ж, у меня есть последипломный отпуск, недели за полторы я пройду этот маршрут. Пожалуй, девчонка стоит того...

От знойного июльского солнца пузырилась смола на желтых штабелях досок. От запаха черных шпал слегка кружилась голова. Я сидел на толстом бревне возле леспромхоза, наслаждаясь беззаботностью и свободой: институт был закончен, а работа еще не началась. На моем поношенном в студенческих стройотрядах костюме защитного цвета расплывались темные пятна пота. Жара тяготила, но солнце уже катилось к западу.

Какой-то несерьезный, похожий на игрушечный, состав вагонов около часа неподвижно стоял на рельсах узкоколейки в ожидании тепловоза. Среди обшарпанных платформ для перевозки леса к нему был прицелен зелененький пассажирский вагон с распахнутыми дверьми. Сидячие места были давно заняты. Пассажиры, успевшие захватить жесткие деревянные сиденья, томились и прели в

духоте. Те, кому мест не досталось, лениво бродили вдоль полотна, сидели под солнцем, не находя тени. Рядом со мной, на бревне, устроилась хлопотливая бабка, она пыталась открыть бутылку лимонада для внучки.

— Эй, парень, помоги?! Молотком пробку насаживали, что ли?—Отмахнулась сердито от внучки:—Да погоди ты, сейчас дядя откроет!

Складным ножом я снял с горлышка пробку, согнув ее почти вдвое. Белая, сверкающая пена, вырвалась из бутылки и заскользила по темному стеклу.

— Вы не скажете,— осторожно спросил я,— где продают билеты на этот поезд?

— Какие билеты? Поезд-то рабочий, туда все бесплатно едут. Ну, а обратно — как повезет! Ты никак впервой? В гости к кому? Или в Каменный лес?

Я вздрогнул, метнул на старушку удивленный взгляд, пробормотал растерянно:

— Просто, на рыбалку... А что за Каменный лес?

— Кто его знает,— ответила бабка, отдуваясь от жары, и вытерла лицо кончиками тонкого платка.— Ходят туда такие,— окинула меня усталым взглядом,— вроде тебя.— И вдруг рассмеялась:—Каменный лес, лес чудес!.. Ты погляди на нее... Анька, ты чо же посуду бьешь? Вот приедем, все как есть мамке расскажу.

Пассажиры — лесорубы, жители лесных поселков, домовитые косари — беззлобно переругивались, плевали шелухой орешек и семечек, бросали окурки на чуть не шипящую от зноя насыпь. Наконец показался тепловоз в застарелых подтеках солярки и машинного масла. Машинист в черной, прокопченной спецовке что-то крикнул рабочим. Гулко звякнул металл, состав вздрогнул и тут же тронулся.

Я подхватил тяжелую спортивную сумку, в несколько прыжков догнал вагончик, нога плотно стала на рубчатую подножку. Впереди была неизвестность и, помеченный на странной карте кружочком, первый пункт дальнего маршрута.

Поезд то спешил, продираясь сквозь дебри леса. Ветви берез скрежетали по окнам. По несколько часов мы ждали чего-то на разъездах, возле древних, умирающих деревушек, где среди дворов бродили полудикие свиньи, мычали коровы и кричали петухи. Чуть волнуясь, я всматривался в загорелые лица молодых хуторянок, хотя путь мой только начинался.

Стало темнеть, похолодало. Тепловоз упрямо тащил состав все выше в горы. Сумеречные верхушки елей проплывали в мрачных низинах, густой кустарник все тесней обступал полотно, постукивая ветвями по обшивке вагона. Невидимые тучи призрачно носились в черном небе, гасили и открывали блеск холодных звезд. Я дремал, свернувшись улиткой и уткнувшись лицом в тугую сумку на коленях, пытался представить себе Каменный лес. Картины, возникавшие в воображении, были одна причудливей другой.

В холодных сумерках медленно и сонно остановился поезд. Из вагона вышли последние пассажиры. У подножья склона, на который забрался состав, смутно виднелись рубленые дома поселка, прикрытого плотным сырým туманом предутренней тайги. Туман чуть подрагивал и шевелился, цепляясь за острые крыши жилья, за влажные пихты и ели.

Скользя и прыгая среди огромных рытвин, разбитых колесами тяжелых машин, среди застоявшихся луж, увязая в подсыхающей жирной грязи, я добрался до двухэтажного бревенчатого дома. Еще издали понятно было, что это контора. Достал карту и фонарик, еще раз прочитал в примечании: «Путь от поселка до д.

Литвиновка можно проделать на попутных лесовозах. Машины отходят от здания конторы в семь часов утра».

В который раз я отыскал на карте узловатую схему горных хребтов и между ними — площадь с ноготок, испещренную причудливыми значками: чья-то рука тонким пером и черной тушью старательно вывела с десятков не то клякс, не то странных фигурок, названных каменным лесом!

Жмущийся к земле туман постепенно сползал по пади, открывая вид на поселок. Приглушенно хлопнула калитка, на изколдобленную улицу вышла женщина в ватнике и в резиновых сапогах. Она подошла, привычно хлюпая и чавкая надежной, непромокаемой обувью, пристально оглядела меня с ног до головы.

— Ты к кому, парень?

— Лесовоз жду, на реку!

— В Каменный лес, что ли?

— На реку!—упрямо повторил я, подергиваясь от озноба.

— Чо в туфлях-то? Хоть бы оделся потеплей, лето нынче дождливое.—О-ох,— громко зевнула, отошла на сухую возвышенность, потопталась на месте, ожидая кого-то. Через минуту к ней подошла другая женщина, тоже в сапогах, в ватнике и в теплом платке. Поглядывая на меня, они вполголоса заспорили. Мимо прошел мужчина в брезентовой куртке. Женщины перебросились с ним несколькими словами и закричали разом:

— Эй парень? Мужик на поляну, ступай за ним!

Скрытые от меня бревенчатыми стенами конторы, за поворотом стояли остывшие за ночь лесовозы. Водитель, усевшись за руль, молча открыл дверцу кабины и убрал свою телогрейку с сиденья.

— Тебе на реку?— спросил, включая стартер. Критически окинул взглядом мою одежду.— Хлебнешь лиха! Ну да отобьешь охоту, и то ладно!—он тихо рассмеялся, что-то вспомнив;— Из вашего брата, ходоков до Каменного леса, я многих обратно вывозил; кого из Литвиновки, кого из Караваевки. Опухнут от гнуса и обратно, в город.

После долгого воя стартера мотор завелся и, прогреваясь, работал на малых оборотах.

— Тебе лучше бы других подождать. Я километров восемь до реки не доеду.

— Ничего, пешком доберусь!

— Смотри, нам не жалко. Лешему от меня привет передашь!

Я кивнул, принимая слова водителя за шутку. Машина поползла по колею и тяжело полезла в гору, где дорога была посуше. Подвывая на крутых подъемах, она то выбиралась на седловины отрогов, то спускалась вниз, бешено раскачиваясь, скрипя рессорами и подпрыгивая на колдобинах. Проплывали мрачные картины полян с завалами бревен, с замершими тракторами. Вот мы и выбрались на перевал. Внизу лежала долина, залитая густым молоком тумана. Виднелись только несколько острых скальных вершин. Над близкой отчетливой чертой горизонта приподнялся краешек багрового диска, туман заискрился тысячами оттенков восхода. Повисшая в воздухе влага чуть приметно двигалась, меняя цвет, обнажая солнцу вершины могучих кедров.

— Красота, — смущенно улыбнулся шофер. — Бывает, едешь вот так и вдруг увидишь такое, что самого подмывает схватить мешок и бежать следом за вами в Каменный лес.

Поколебавшись, я спросил с наигранным удивлением:

— Что за Каменный лес? Почему все думают, что я иду туда?

Шофер сбоку бросил на меня удивленный и насмешливый взгляд, потом рассмеялся, подрагивавшим от сильной вибрации голосом.

— Что за лес, не знаю. Ходят туда через наш поселок как раз в это время. В прошлом году приехали по узкоколейке двое: рюкзаки по центнеру. Там и палатка, что дача, и лодки надувные. Пока дотащили все до конторы, лесовозы ушли на деляны. Вечером, возвращаемся мы из тайги, — сидят на рюкзаках с гитарами, поют, а вокруг весь поселок от мала до велика... — Шофер умолк, лицо его напряглось. Лесовоз вылез на очередной крутой подъем. Переключив скорость, водитель опять заулыбался. — ...Подхватили мы этих артистов вместе с рюкзаками и притащили в клуб. Тут у нас и началась жизнь... Каждый вечер концерт и танцы. Не только молодежь — старики и старухи собирались. Недели с две так они прожили и обратно, в город. До сих пор поселковые бабки расппевают: «Каменный лес — начало чудес».

А неделю назад двое проходили — те все молчком, как ты, и тоже в первый раз. Не знают, что за чудеса в Каменном лесу. Одиночки, вроде тебя, часто ходят, только одеты по-походному. Бывает, врут, будто бывали там, ну и несут всякие небылицы. Одного очкастого подвозил, с виду такой грамотный — трусы и те из дипломов пошиты, навешал мне лапши на уши про параллельные миры, где птицы и звери разговаривают человеческими голосами, а древние люди до сих пор водятся. И еще, будто там, среди нашей-то тайги, роща тысячелетних дубов... Хочешь верь — хочешь письмо на радио пиши...

На очередной заброшенной деляне машина остановилась, шофер выключил мотор. В тишине как-то по птичьему прощебетал его голос:

— Все! Дальше придется идти пешком, — махнул рукой в сторону ухабистой лесной дороги, — Никуда не сворачивай и выйдешь к реке.

Я попрощался, забросил на плечо сумку и зашагал в сторону от пышущей жаром машины. А он закричал вслед:

— Лешему привет от Павла! — повторил, принятое мной за шутку.

— Кто такой?

— Узнаешь!

Я рассмеялся, в предчувствии близости параллельных миров, и направился по дороге в глубь леса.

Местами туман еще висел на горных склонах, но лес уже оживал голосами птиц. В подсыхающей траве робко пробовали трещать кузнечики. Среди этих нестройных звуков вдруг тонко зазвенели многоголосые колокольчики ручья. Я наклонился, хотя пить не хотелось, вода пахла землей, травами и прошлогодней листвой. Треском сухой ветки прозвучало рядом оглушительное «кар-р-р!»

Я вздрогнул и оглянулся. В пяти шагах, на гнилой валежине, сидела потрепанная ворона.

— Чего тебе?— спросил я ее вслух, вытирая капли воды с небритого подбородка. Ворона покрутила черной головой, задиристо переступила с ноги на ногу, пощелкала клювом и заворчала:

— Май, май, рр-чей! Прх-ди!—повернула боком голову, взглянула сердитым глазом, опять нетерпеливо каркнула. Я смотрел на нее несколько секунд, соображая, откуда донеслась человеческая речь. От бессонной ли ночи, от всех ли этих выдумок с Каменным лесом, остро ощущалось отсутствие привычной ясности в голове. До реальных причин происходящего докапываться было некогда. Я отряхнулся и пошел дальше.

Ручеек, изгиб дороги и высокий пенёк были обозначены на карте. Затем красные стрелки поворачивали влево. Действительно, от дороги отделялась широкая конная тропа. Она плавно поднималась в гору, затем с седловины перевала спускалась вниз, к деревне.

Сверху видны были аккуратные дворы и крыши вдоль прямой улицы, ведущей к горной речке, по которой мне предстояло сплавиться. Даже оцинкованное ведро, чинно, с пониманием своей значимости, висело над колодцем. Деревня как деревня, но почему-то мурашки побежали по спине от странного предчувствия: трудно было представить, что здесь живут люди. Не понимая в чем дело и волнуясь, я осторожно спустился вниз.

Людей в деревне не было. Ни звука, ни дымка, ни лая собак, только тишина и печаль. Некоторые дома были еще вполне пригодны для жилья, местами поблескивали выцветшей краской сени и ставни. Иные строения покосились, осели, зияли провалами выбитых окон.

Я проходил мимо крепкого, высокого дома. Его двор и крыльцо густо заросли крапивой, признаков жизни не было. И вдруг мне почудился приглушенный топот за бревенчатыми стенами. Я невольно остановился, заглядывая в темные запыленные окна.

— Поди в Каменный лес собрался?— раздался голос за спиной. Я вздрогнул и обернулся. В двух шагах стоял пожилой мужик с пушистой бородой. «Как из-под земли вырос» – пугливо мелькнуло в голове. Бородач, добродушно усмехаясь, добавил: — В этой избе не живут,—пойдем ко мне. Я, как раз, собираюсь в город, а ты поживи. У реки сейчас холодно. Дожди. Заодно и за домом присмотришь. Тебя как зовут-то?

— Игорь!

— Меня дядей Лешей зови!

Дом дяди Леши был старым, приземистым, черным от солнца и ливневых дождей. К просторной низкой кухне все было устроено по допотопной старине: огромная русская печь, давно не скоблённый деревянный стол, лавки вдоль стен. К ней примыкала маленькая комната, в которой разместились только две кровати под шерстяными одеялами и грубая тумбочка между ними.

— Сторожем я здесь,— присел за стол мужик и кивнул мне на табуретку.— Присматриваю, чтобы деревню не растащили. - Перехватив мой удивленный взгляд, охотно добавил:

— А что, растащат по бревнышку: кто на плоты, кто на дрова. Из деревень, что ниже по реке, приедут, разберут дома целиком да сплавят. Только не догляди — голое место останется.

Вскоре на плите закипел чайник. Сторож поставил его на стол, принес из кладовки пышную булку хлеба, банку меда.

— Садись, угощайся: чай из корней да из трав, мед и хлеб настоящие. Ваши-то всегда удивляются. Недавно здесь двое жили, плот строили. Да красиво так сделали; настоящий корабль. Камеры с машин с собой приволокли, лопасти для весел. Все ладом. Да только одного-то Баба Яга прибрала к рукам.

— Какая Яга?— оторопел я.

— А на другом конце деревни живет. Бурду варит, травит геологов да лесорубов,— проворчал мужик. Спихватился, подливая чай в кружку:—Ты ешь, ешь! Хлеб-то вчера только пек, в городе такого не попробуешь... Вот, говорю, и этих ребятишек заманила: дрова поколоть или еще чего. Один-то с умом. А другой пропал,— покачал хозяин седой головой, помолчал, намазывая хлеб медом.— Сегодня не видел его: наверное, с геологами выбрался отсюда или как... Товарищ-то день ждал, два, плюнул и один поплыл — уж лучше так, чем с ненадежным попутчиком.

Ни о чем не спрашивая, он протянул мне старую ложку, сточенную несколькими поколениями зубов, полную тягучего янтарного меда и проворчал, как о самом пустяшном и разумеющемся деле.

— Будешь плот строить, у протоки ниже деревни бревна лежат. Бери! Эти все равно сгниют.

Я отодвинул пустой стакан и, все еще скрывая цель своего пути, осторожно спросил:

— А смогу я сплавиться? Река бурная?

— Весной страшновато, а сейчас ничего: воды мало, все камни наружу торчат, если что - оттолкнулся и плыви дальше. Но через Большой порог не ходи. Там и опытные плотогоны бьются.

— А Вы не бывали в Каменном лесу? Тут все говорят о нем.

— Не бывал,— без сожаления ответил дядя Леша.—Я дальше города нигде не бывал. А туристы рассказывают всякое. Лет пять уже туда ходят мимо нас, но все впервой, таких, кто там уже побывал не знаю. Что за чудеса—врать не буду.— Он встал, крикнул:— Ну ладно, пора собираться, а ты приляг, отдохни с дороги.

Горная речка открывалась путнику сразу вся. Стоило чуть подняться на пригорок, и глаза слепили солнечные блики гигантской извилины, раскинувшейся в долине. Я брел по песчаной отмели и думал о Каменном лесе. Что может быть там? Такие же скалы? Сердце билось сонливо и ровно: не хотелось никуда идти, лень было даже думать. Лежать бы на песке и смотреть в небо. Обволакивал и обольщал соблазн: поживу, пока не вернется дядя Леша - порыбачу, отдохну. В сущности, каков бы ни был Каменный лес—это только природа, такая же, как здесь или немного иная, ничего другого быть не может.

Но мой соблазн, дававший мне вполне разумные советы, допустил оплошность. «Что с того, если бы дед высадился на берегу своего, так и не увиденного им города?» - подумал я и ясно вспомнил его мечтательную полуулыбку-полупечаль, со взглядом человека, невзначай обворовавшего себя... Окунувшись с головой в студеной горной реке, я переплыл протоку и направился к штабелю черных бревен.

Вернулся я в дом уже в сумерках. После ужина, при свете керосиновой лампы,

долго лежал, прислушиваясь к комариному пisku. Слышно было, как резкие порывы ветра шелестят травой за окнами. Вскрикнула ночная птица. Отчаянно пискнул какой-то зверек. Дернулись ставни на металлических крючках. Все притихло. Тонкой струной тренькнуло стекло. Потом еще, еще... Застучал по стенам дождь. Я увидел Каменный лес: обыкновенные деревья, искусно вырезанные ваятелем из камня, мраморная хижина не хижина—дворец, а на пороге стоит девушка в брюках и в тонком свитере и протягивает руку за оставленным свертком. «Так вот что я искал, хотя и не там, где следовало»,— подумал я, смеясь от счастья. А незнакомка голосом дяди Леша проговорила:

— Для того тебе и дана была карта. То не карта, то записка о свидании.

Я проснулся. Был тусклый рассвет. Бесшумно моросил дождь. Туман тянуло с реки на промозглую улицу брошенной деревни. День обещал быть хмурым, но работа предстояла большая.

Пилы в доме не было. Пришлось своим туристским топором рубить толстые бревна, на себе таскать их к воде, и собирать в плот. Темными пузырями плавали в воздухе рой комаров. Кожа горела от их укусов, ныли ссадины и мозоли на ладонях, а мышцы подрагивали от перенапряжения.

Я так устал, что к полудню с трудом доплелся до дома. Растопил печь, поставил на огонь котелок с водой, краем глаза уловил в сенях движение, оглянулся: у двери, вытянувшись в струнку, настороженно поблескивая бусинками немигающих глаз, стояла сморщенная старуха в длинной до пят юбке и с повязанной платком головой.

Мгновение мы смотрели друг на друга.

— Я думала Леший печь бросил,— старуха бесшумно, как мышь, пересекла кухню, села на лавку, вытянулась и замерла, будто суслик у норки.

— Это дядя Леша — леший?—спросил я и рассмеялся. Вспомнил, что должен был передать ему привет от Павла.

— А кто же еще?! Сманивает ребятишек по реке плыть на муку, а то и на погибель. В прошлом году... Стой,—резко вскочила старуха,—наружу ползет!

Я замер с очередной горстью риса над кипящим котелком.

— Хватит... теперь помешай!

Она с минуту молчала, наблюдая, как я варю кашу, потом бесшумно вскочила.

— Тесто стоит! — проворчала и шмыгнула за порог.

Утром, еще затемно, я был на реке. Погода обещала быть хорошей. Мой неуклюжий плот покачивался в тихой бухточке. Я закрепил сумку, упакованную в полиэтиленовый мешок, воткнул топор в перекладину. На восходе солнца, подрагивая от утренней свежести, разделся, оставшись в одной рубашке и в старых стоптанных городских демисезонных туфлях, подвязанных к ногам алюминиевой проволокой. Оттолкнулся шестом от берега и плот подхватило течение. Он держался на плаву довольно устойчиво, настил из сырых жердочек возвышался над водой сантиметров на десять.

Заклокотал под бревнами первый пережат. За поворотом река сузилась вдвое, прижимаясь к скалам левого берега. Невероятными усилиями мне удалось отгрести от них. И тут впереди показался камень.

Гигантским клыком он торчал из воды. Две волны усами отходили к берегам. Вот тебе и “оттолкнулся”... На первом же повороте — со стыдом подумалось мне...

Я отчаянно стал грести в сторону пологого берега и уже в четырех-пяти метрах от камня понял — пронесло! Плот захлестнуло волной и вынесло на спокойное течение. Ярко светило солнце. С левого берега к самой воде подступал молодой березовый лес. Ласково плескалась вода между бревен плота.

Я сбросил мокрую рубаху, не спеша направил плот правым берегом, удачно миновал пережат, прошел мимо острова. Река опять сжималась скалистыми берегами метров до двадцати в ширину. Еще совсем недавно тихая гладь снова превратилась в бурлящий поток. А посередине его торчали три камня. Два из них как бы образовывали ворота, третий, часто захлестываемый водой, эти ворота запирали.

Не проскочить! Я дернулся, чтобы отвязать сумку и выбираться к берегу вплавь, но понял, что не успею, направил плот в “ворота”, сел, вцепившись в настил, ожидая резкого удара. Показалось, что плот, сперва зарывшись в буруны, в следующий миг взлетел на воздух. В полуметре от борта мелькнул камень, волна снова накрыла меня с головой.

Проделки реки становились все коварней, но они уже не вызывали прежнего страха. Тихое течение, а за поворотом уже снова слышен был шум порога. Чтобы остыть перед очередной схваткой с рекой, я прыгнул в воду и камнем пошел вниз, желая коснуться дна ногами. Но это оказалось не так-то просто: глубина мрачнела, все жестче сжимая тело. Мне стало вдруг жутковато. Я уже собрался взмахнуть руками и выскочить на поверхность, но в расплывчатой полутьме увидел чьи-то синеватые глаза. Кажется, видны были только они и губы, которые подрагивали, что-то неслышно шепча. А потом... Я не мог видеть этого, поскольку контролировал и сознавал реальность происходящего... Это пронеслось в голове мгновенной картиной сна и осталось в памяти.

Школьный класс. Учитель что-то бормочет у доски, а детская рука на чистом листе в линейку рисует плот шариковой авторучкой с обгрызенным колпачком. Ну и плот — просто чудо! Величав, как каравелла, посередине мачта с вымпелом.

Я вынырнул, так и не достав дна, с гусиной кожей на теле и со стнящей тоской в груди по какой-то иной, несостоявшейся юности. Поворот—и порог встал передо мной во всей своей дикой красе: сжатая скалами вода, кипела белыми бурунами. Страх исчез, вместо него появилась веселая злость. Голова работала спокойно и ясно. Плот пошел по наиболее безопасному пути. Зарылся в вал, чиркнул бревном по подводному камню и проскочил мимо первой гряды препятствий.

Я не мог оторвать глаз от клокочущего русла. И все же видел, что не только мои, но и какие-то тонкие детские руки правят веслом. Я различал даже застиранные манжеты розовой рубахи. Лишь потом, когда тихая вода медленно погасила скорость, нервы сдали: меня зазнобило, хотя солнце уже палило нещадно и от мокрой рубахи шел пар. Я лег на настил и посмотрел в чистое голубое небо. Постепенно возвращалось тепло телу, подкатывало ощущение голода.

Плот спокойно скользил по воде мимо островов. На перекатах, под водой, приглушенно тренькал по дну мелкий галечник. Солнце клонилось к западным вершинам и все болезненнее обжигало кожу. К воде, по обеим берегам, все чаще подходили разбитые дороги. Одинокое телефонные столбы с обвисшими проводами чернели между деревьев. Казалось, что впереди русло реки упирается в круглую сопку, густо поросшую хвойными деревьями. Но река огибала ее, широко разливаясь по долине, на ее левом берегу которой стояло большое село Караваевка.

Оттуда доносилась громкая музыка. Празднично одетые люди прогуливались по улице, лаяли во дворах охрипшие собаки.

Я собирался пристать к берегу где-нибудь в конце деревни, переночевать в лесу, а утром отправить матери телеграмму, чтобы не беспокоилась. Но на крыльцо одного из домов вывалила толпа, указывая руками в мою сторону. Мужики гурьбой бросились к берегу. У двоих в руках вороненой сталью поблескивали дробовики.

— Причаливай!—кричали и палили из ружей в воздух. Не понимая, в чем дело, я опасливо подгреб ближе. Двое подвыпивших сельчан, не раздеваясь, забрели в воду, подхватили мой плот и потянули на мель.

— Вроде он,—зашумели.—А усы где? Усы сбрил! Хитер, турист!

— Что я говорю?!—хохотал веселый старый мужик и азартно шлепал мозолистой ладонью комаров на блестящей лысине.— Не может того быть, чтобы река не помогла своему старому плотогону... Сегодня течение повернуло вспять, потому как день особый... От реки не убежишь.

Кто-то шутя завернул мне руки за спину, кто-то подхватил мою сумку. Мужики вытащили плот на берег.

— Вроде не он,— смущенно возразили несколько голосов, разглядывая меня в упор.— Не бывает так, чтобы уплыл вниз, а появился сверху.

— В такой день все бывает!— шумел лысый, размахивая ружьем.— Ты от кого убежал?— ткнул меня в грудь скрюченным желтым пальцем.

— Наверно, от себя,—солгал я, окруженный любопытной толпой.

—Куда плывешь?

— В Каменный лес и спрашивать нечего,— закричали, ухмыляясь, мужики.

Лысый поднял вверх палец, призывая к тишине, мотнул блестящей, слегка облепленной комарьем, головой:

— Нет! Ко мне он плывет, хотя и опоздал на свадьбу, к внучке! А то, что вчера сбежал, что так и не спел про Каменный лес, мы не в обиде: я старый плотогон, пятьдесят лет в дружбе с рекой, и я поклялся своей лысиной, что она вернет тебя.

— Вы меня женить собираетесь?— удивленно озираясь, спросил я.

— Же-нить?! Опоздал, паря! Пой теперь...

Я вошел в дом, щурясь после яркого света, увидел невесту—и скобленный пол избы качнулся под ногами: мне на миг показалось, что это та самая незнакомка. Действительно опоздал!

Невеста, уже без фаты и без белого платья, с распущенными по плечам волосами, непринужденно сидела в углу рядом с широкоплечим женихом. Она обернулась ко мне, и я засомневался, та ли?

— Песню!— кричали гости,— “Каменный лес”.

Кто-то протягивал мне гитару.

— Что вы привязались к человеку, может, он и играть-то не умеет. Ведь это не Игорь, - вступилась за меня невеста.

Ее лысый дед мотал головой, и пьяные слезы, крупные как горох, чистые как роса, катились по его бороде в тарелку с квашеной капустой.

— Язвы их, туристов... Я, старый плотогон, Семен Караваев из Караваевки, пятьдесят лет бок о бок с рекой... Любимую внучку замуж, лю-би-му-ю!

— Нет уж, сват,— злорадно подмигнул ему краснощекий мужик.— Скорей на твоей лысине появятся кудри, чем река потечет вспять.

Я подсел к плачущему деду.

— Вообще-то я тоже Игорь!

— Федот, да не тот! И петь, поди, не умеешь?!

— Не умею!

— Я вчерашнему-то говорю: по роже вижу, что в Каменный лес плывешь, так спой! А он проблеял про каку-то «Шхельду».— Дед стряхнул слезы с бороды.— И на сеновал... Утром хватились — след простыл.

В сумерках устало смеялась гармоника. На улице палили из ружей, и деревенский милиционер грозил кулаком в полутьму. Я залез на сеновал, растянулся на прошлогоднем шершавом сене, пахнущем пылью и зноем, мгновенно уснул и всю ночь, во сне, обходил ревущие пороги. И все казалось мне, что это место уже точно не пройти, но опять плот удачно пронесило среди камней и прижимов. Проснулся я с рассветом. В избе уже слышались хриплый хохот и громкий кашель.

Я спустился во двор, прихватив сумку. За калиткой у забора на лавочке сидела одинокая невеста в брюках и в тонком свитере. Я подсел к ней.

— Как надоело, - кивнув мне, как старому знакомому, сказала она с досадой. - Вот возьму и уплыву с тобой! Что будет?!—Она помолчала и глубоко вздохнула.—Конечно, никуда я не уплыву. Деда жалко. А ты куда путь держишь?

— В Каменный лес,— сказал я и внимательно посмотрел на нее.— Весной одна девушка, очень на тебя похожая, дала мне книгу, а в ней карта. Больше я ее не встречал, даже имени не знаю. Это была не ты?

— Не я!—Она улыбнулась.—Значит, уходишь?.. Ну что ж! Счастливого пути, капитан! Желаю отыскать свою девушку.

Я встал, махнул ей рукой и направился к реке, к черневшему на берегу плоту. На душе было спокойно и радостно. Хотелось поскорей оставить село и позавтракать в одиночестве у костра где-нибудь возле тихой бухты.

Всходило солнце. Потеплело. Используя весло как рычаг, я с трудом, столкнул плот на воду, вывел его на середину реки и уже здесь, упаковав сумку в полиэтиленовый мешок, привязал ее к перекладине на корме. Я старался плыть ближе к правому берегу, вспоминая неторопливый голос дяди Леши: «Ниже Караваевки остров. За ним как увидишь приток — выходи на берег. Обойдешь порог по скалам, а на спокойной воде еще один плот построишь, там сухостоя много».

Я обошел остров. Показался приток, по ширине не меньше самой реки, бурлящий и пенящийся в своем устье. Я подумал, что переправиться через него будет трудно и решил высадиться ниже. Но течение притока подхватило и вытолкнуло мою посудину на середину реки.

И тут я заметил плот. Это был настоящий корабль, пришвартованный к берегу. Где-то я уже видел такого красавца: кузов для вещей и палуба были набраны из тонких жердей, в уключины вставлены два весла с металлическими лопастями. И

даже мачта, такая знакомая мачта, но без вымпела. Из леса на берег выскочил полуодетый парень с длинными светлыми усами, закричал, размахивая руками:

— Прыгай, плыви к берегу, вместе пойдем на моем пло-ту-у! Прыгай, говорю, по-рог!

Я дернулся было, чтобы отвязывать сумку и уже схватил ее за ремень, но тут услышал рев воды и оглянулся на шум. Было поздно. Пологий лесистый берег стал вдруг высоким и крутым. За ним вода вставала на дыбы, и была волна так огромна и высока, что мой плот в сравнении с ней выглядел жалкой щепкой.

Левый отвесный берег круто поворачивал вправо, и ревущий поток ударялся в монолитную черную стену. Казалось, здесь и кончается река, запертая скалами. Я успел только намотать на запястье ремень сумки, сел, вцепившись руками в шаткие жерди настила. Вода передо мной встала стеной, плот накренился, я успел посмотреть вниз, как в пропасть, и краем глаза уловил, что русло сворачивает вправо. Сильный рывок захлестнувшей волны шутя отодрал меня от настила. Под водой было темно и жутковато. Я обхватил голову руками, чтобы смягчить неминуемый удар о подводные камни. Ремень сумки потянул на поверхность. В воде я открыл глаза и вновь рассмотрел размытые черты лица. И тут вспомнил, что все это уже было: мрак, холод, разрывающая горло жажда вдоха, и вдох, как удар ножа, и опять шершавый вдох — полегче... Потом я увидел мальчишку лет тринадцати, склонившегося над знакомой книгой. Слезы катились по его щекам. Мальчишке хотелось стать взрослым сию минуту, но он знал, что это невозможно...

Вода просветлела. Я выскочил на поверхность, сделал несколько глубоких вдохов, поднялся на волне. Скатываясь с нее в буруны, погрузился с головой, почувствовав, что потерял туфли, задел босыми ногами камни, несколько раз перевернулся и вынырнул на относительно спокойном течении. Скальный гребень остался за спиной, но правый берег, куда меня вынесло, был так крут, что на него не выбраться. Впереди показалась наклонная скальная плита. Я вцепился в ее выступ, выбросил на поверхность сумку, подтянулся на дрожащих руках и, оставляя за собой широкий мокрый след, выбрался на сушу.

Порог монотонно ревел, перемалывая мой разбитый плот. Самое толстое бревно, с торчащей скобой, вынырнуло возле той же плиты, закружилось, беспомощно и жалко тычась торцами в скалы. Я торопливо сбросил свой хлопчатобумажный костюм, отжал его и разложил на солнце. Расстегнул сумку: спички, часы и документы не промокли. Я быстро собрал сухие ветки, застрявшие по стыку плиты, и развел костер.

И тут вспомнилось... Пройдет много времени, прежде чем я пойму, как мне повезло в тот день. Но тогда, на пути к непонятной цели, вспышка памяти детства показалась обузой. Через годы сотрется и затеряется в голове истинная канва событий, потому что они были второстепенны. Главное же запомнится очень ясно. Того, что я помню сейчас, просто не могло быть, и все же до сих пор вспоминаю путь в Каменный лес именно так.

...Я быстро собрал сухие ветки и развел костер. Вдруг в монотонном грохоте порога появился странный звук, сначала похожий на писк комара, потом — на человеческий крик. Я задрал голову к вершинам скал, ожидая, что усатый Игорь, бежит ко мне с той стороны. Взглянул на порог, на плиту, по которой выполз из воды, и ахнул. Мальчишка в застиранной клетчатой рубашке побелевшими

пальцами держался за выступ. Обдирая кожу на локтях и коленях, я скатился вниз, не удержался на краю плиты, но успел зацепиться и, погружаясь с головой в воду, вытолкнул его на уступ.

— Ты кто такой? Ты откуда взялся?— отплеываясь, задавал я вопрос за вопросом. Подтащил его к разгоравшемуся костру, стал сдирать с него мокрую одежду, обмирая при мысли, что мог опоздать.

Мальчишка дрожал, мелко клацая зубами. Сжав кулачки под подбородком, подняв острые плечики, он пытался превратиться в комочек, чтобы удержать в себе остатки тепла. Я растер его озябшую кожу свитером и стал натягивать на него свои слегка просохшие вещи.

— Ты где живешь? Ты упал в воду или плыл через порог? Ты кто?

— Иг-г-орек!

— Что же мне с тобой делать? Пожалуй, надо выбираться в Караваевку.

Парень с той стороны видел, как я вошел в порог и перевернулся. Значит, он должен показаться на скальной тропе, про которую говорил дед Караваев, или побежал в деревню. Вдвоем нам было бы легче переправить мальчишку в село.

— Он не придет,— стуча зубами, пробормотал Игорек.

— Это почему же?

— Он видел, как плот разбился и думает, что ты погиб.

— Ты из Караваевки?—спросил я, удивляясь, что продрогший мальчишка угадал мои мысли.

Он мотнул головой и насупился.

— Я пойду с тобой в Каменный лес!

— Ха-ха! Какой лес: обуви нет, топора нет: новый плот не построить?

Продуктов тоже почти не осталось. Все! Приключения кончились – расходимся по домам.

— Нам нельзя возвращаться, - пролепетал он и поднял такие несчастные глазенки, что у меня защемило под сердцем.

— Ценю твое упрямство, - миролюбивей сказал я, - но... Не спорь со мной; я все-таки постарше.

Игорек еще больше расстроился, всхлипнул, еле сдерживая слезы:

— Это я тебя старше.

— Ты с перепугу немного подвинулся рассудком, - подбросил я веток в костер.

— Мне тринадцать, значит, тебе—всего восемь лет.— Он робко улыбнулся, взглянув на мое растерянное лицо.

— Так, так!—пробормотал я.—Занятная история из передачи «Очевидное – невероятное»,—встал я, чтобы уклониться от смутного разговора, взял котелок, спустился вниз и зачерпнул воды, соображая, что происходит и происходит ли? Может быть, все это только снится? Супы в упаковке подмокнуть не успели, а вот крупа... Если ее сейчас не сварить, то крупа пропадет. Я вывалил в котелок мокрый рис из мешочка.

— Рисовую кашу сварить?

— Я все умею,— радостно заявил мальчишка.

— Тогда кашеварь, а я схожу в одно место. Кажется, в том пихтаче есть шалаш. Вон, чуть виднеется? – указал рукой. - Посмотрю, можно ли там переночевать.

Это был просторный балаган, покрытый поверх веток полиэтиленовой скатертью. Я залез в него, лег на мягкую подстилку из сухой травы и закрыл глаза. Порог рокотал внизу, как голос школьного учителя. Слишком много странностей происходило на последней неделе: докапываться до их сути было некогда, а проснуться все никак не удавалось. Но, даже если это не сон, то появление Игорька, знающего обо мне больше, чем я сам, было делом обыденным в контексте всего происходящего со мной или кажущегося: ворона разговаривает, леший жарит яичницу, баба-яга варит зелье, а лысый плотогон плачет, потому что река не желает поворачивать вспять...

Возле шалаша, у сложенного из камней очага, тоже куском полиэтилена были прикрыты продукты: две высохшие булки хлеба, полпачки соли, сахар, облепленный черными муравьями, несколько брикетов каши, картошка россыпью. Видно, туристы оставили здесь лишний груз. Эх! Если бы они догадались оставить какую-нибудь обувь!

Я аккуратней прикрыл продукты и зашагал к костру. Мальчишка помешивал булькающую кашу очищенным от коры сучком. Я подмигнул ему, разворачивая карту, совершенно сухую, потому что она лежала вместе с документами в полиэтиленовом пакете:

— Ладно, малыш, не будем спорить, кто из нас старше, лучше обсудим, что нам делать.

— Идти!—упрямо выпалил Игорек.

— Обуви нет, топора нет, продукты — более или менее... До ближайшего населенного пункта вниз по реке километров семьдесят. Вверх, до Караваевки, километров пятнадцать. Не хотелось бы мне, конечно, лезть по этим скалам,— оглянулся я на гребень, нависший над клокочущим порогом.

— Лучше вперед!

— Не перебивай. За гребнем приток. Если мы не застанем Усатого с его плотом на прежнем месте, как знать, не придется ли нам отшагать все сто верст, пока мы не найдем переправу?

— Вперед надо, вниз всегда легче!

— Пожалуй, ты прав, вдруг усатый Игорь не сегодня-завтра решится пройти порог — он нас подберет.

— Ура! Я знал, что ты не подведешь!— подпрыгнул малыш. Потом притих, задумался.—Нет, не знал, но я очень на тебя надеялся.

— Видишь, на карте дом у устья реки помечен крестиком? Читаем в примечании,— перевернул я кальку.—«Попросить у хозяина лодку». С чего это незнакомый человек отдаст нам лодку? Читай: «попросить», а не купить...

— Раз написано, значит, даст, а что?

— Какой ты быстрый! Знаешь, сколько стоит лодка?.. Я тоже не знаю, но уверен, что таких денег у меня нет... Кстати, это районный центр, там есть железнодорожная станция.

- Я не поеду домой! – насторожился он.

- А разве я об этом сказал?

Наши вещи просохли. Мальчишка надел свою застиранную рубашку и серые шаровары. К вечеру мы перебрались в шалаш и развели костер. Я лег на сухую подстилку из хвои, укрылся пледом, он же сидел у входа и тихо пел, что-то

разглядывая в полутьме. Малыш обернулся, и я заметил искорки счастливых слез в его глазах.

— Я запросто хожу босиком,— храбрился Игореk.

Мы брели по песчаному берегу. После острых скальных обломков, после лесных колючек мелкий речной песок казался пухом. Но разбитые ноги все равно ныли, пощипывали ссадины. На отмели вода приятно холодила ступни, боль начала униматься, а впереди уже зловеще чернел очередной скальный прижим. Это значит, опять придется лезть по острым камням на сбитых в кровь ногах.

— Все! Дальше не пойду! Лягу и буду ждать: должен же кто-нибудь когда-нибудь проплыть мимо? Какой это отдых, если терпишь такие муки?

Малыш не спорил, сидел рядом со мной и еле сдерживал слезы. Он тоже был сильно измотан переходом.

— Нет, ты только подумай: - устало брюзжал я. - Какой-то маньяк штампует дурацкие карты, а мы верим им и тащимся неизвестно куда. Это нормально?

Ноги у мальчишки были разбиты хуже моих и мне казалось, что он уже сыт этими глупыми переходами по самое горло.

— Я... Я всю жизнь ждал, когда смогу пойти... По дням считал... И вот, какие-то царапины...— с неожиданным упрямством простонал Игореk.— Если мы не пойдем – все было зря.

Прихрамывая, оставляя цепочку одиноких следов на песке, он поплелся к прижиму.

— Стой!—вскочил я,—подожди!—Тоже прихрамывая, догнал его и схватил за руку.—Мы забыли старую надежную обувь —лапти!

Я обмотал его ноги своей разорванной рубахой, поверх обернул куском полиэтилена и обвязал остатками бельевой веревки из своей сумки. Такие же “лапти” сделал и себе.

— Все-таки интересно, неужели, придем к незнакомым людям, попросим лодку и нам ее дадут?! – пробурчал, пытаюсь сгладить свое нытье.

Мы поднялись по скале, обошли очередной прижим. Внизу бесновалась река. Ноги в лаптях скользили на камнях, тряпки и полиэтилен соскальзывали, съезжали набок, вскоре стерлись и развязались веревки.

— Ну и что?— опять брюзжал я.— Скала как скала, а внизу вода. Рядом с городом таких скал — валом. Ну, лес! Сел на автобус и поехал в лес за городом — какая разница? Деревья они и есть деревья, везде одинаковые.

К вечеру мы опять вышли на песчаный берег, опустили стертые и сбитые ноги в воду. Мне показалось, что я превращаюсь в прозрачное легкое облачко и поднимаюсь к небесам.

— Все-таки, малыш, день прошел не так уж плохо. Не так ли?

Игореk сидел на теплом песке, смотрел в небо с розовыми, окрашенными закатом облаками и улыбался. Я тяжело поднялся, начал собирать хворост для костра. После ужина мы опять развернули злополучную карту. В лучшем случае до устья реки было еще два дня хода. Почему же медлит парень на той стороне порога? На таком плоту как у него и океан переплыть можно. «Видно не такой дурак как я!»

Поблекло небо, заискрились первые звезды. Мы лежали на остывающем песке, жевали размоченный в прогорклом супе хлеб, пили чай из листьев смородины, без дум и без забот смотрели на разгоравшиеся звезды, слушали, как ветер шелестит листьями берез, и чувствовали спокойное дыхание реки. Затемно надели на себя всю имевшуюся одежду, залезли под измочаленный тент из полиэтиленовых скатертей легли спина к спине и укрылись моим пледом. Я уже засыпал. Игорек ткнул меня острым локтем и прошептал:

— Что это?

Возле продуктов попискивала мышь. Где-то в скалах одиноко ухала ночная птица. Потом появились непонятные звуки: кто-то ходил по песку вокруг палатки. Загремела крышка котелка. Я похлопал ладонью по тенту — звук стих. Через секунду зашуршал полиэтилен у ног, уголок его приподнялся. В тусклом лунном свете блеснули щелки глаз. Приглядевшись, я увидел длинные уши, рога и бороду.

— Черт?— с восторгом прошептал Игорек.

— Настоящих чертей не бывает,— вполголоса ответил я, но на всякий случай лягнул пяткой непрошеного гостя и почувствовал, что попал во что-то твердое, теплое и мохнатое.

— А ненастоящие?—спросил малыш шепотом, прислушиваясь к стуку удаляющихся шагов.

— Ненастоящие снятся или кажутся. Спи. Он тесней придвинулся ко мне:

— Вот здорово!— вздохнул и тихо засопел.

Утром я долго лежал под пледом и вспоминал вчерашнее. Малыша рядом не было. Давно запутавшись в снах и реалиях, с трудом отделяя одно от другого, я припоминал рогатую морду, какой она мне запомнилась. Со стороны берега раздался крик.

Кряхтя после вчерашнего марафона, я выполз на песок. Он был истоптан маленькими копытцами, котелок опрокинут. На сыром и холодном песке сохли остатки супа.

— Следы! Ты только посмотри!— Игорь, склонившись, внимательно разглядывал лунки и катышки.

Мы спустились еще на полкилометра вниз по реке и нашли утоптанную площадку, на которой еще совсем недавно стоял скот.

— Козел приходил или коза. Козы ведь тоже бородатые,—вспомнил я ночного гостя и вздохнул. —Если бы знать, что рядом люди: топор бы одолжили на время, построили новый плот и поплыли бы без забот, без хлопот. Впрочем, ноги привыкают. Сегодня не так уж и больно ходить босиком.

Малыш был весел. Он задирает голову, разглядывал скалы, оттого часто запинался, падал, от боли вертелся на месте, но все равно смеялся сквозь слезы.

— Посмотри, посмотри,— указывал пальцем.— Что там, на вершине?.. Может быть, замок? Давай сходим?!

— Обрадовал! Мы так и до осени в село не доберемся.

— А вот гора... Из нашего окна была видна такая же. Я несколько раз ходил к ней, но так и не дошел: мамка с ночевкой не пускала. Говорили, там есть пещера. Ты помнишь? Ничего ты не помнишь. У меня еще рукав на телогрейке сгорел... Выдрали...

И я вдруг вспомнил страх. Нудный страх неизбежного возвращения домой.

— Мы пойдем дальше, правда? Ты ведь не уедешь домой, когда доберемся до села?

— Дойти надо, там видно будет. Неужели нам дадут лодку?

Мы пришли в село на следующий день к вечеру. Ноги были в ссадинах, но я уже мог передвигаться босиком так же непринужденно, как в обуви. На маленьком железнодорожном вокзальчике было на удивление тихо и безлюдно. Несколько человек дремали в зале ожидания, сонно жужжали жирные мухи, звонко пощелкивали ножницы в парикмахерской. В буфете не было никого из посетителей: тускло блестели чистые столики, буфетчица за стойкой читала книгу.

Шлепая босыми ногами, я подошел к ней, заказал отварную курицу целиком, хлеб и кефир.

- Кефир свежий? Холодный?.. Три бутылки!

Молодая буфетчица пощелкала счетами, назвала сумму, зевнула и, остановив взгляд на моих пропыленных ногах, равнодушно спросила:

— Хиппуешь?

— Угу. Пока обувной магазин не откроют...

Когда я заказал еще одну бутылку кефира, на ее лице стало вырисовываться любопытство.

— Что без обуви?

— А приятелю одолжил, на танцы сходить.

— Куда едешь?

— Домой, в город.

— Долго ждать придется, — опять зевнула она. — К вам поезда не ходят, дорогу размыло. Дамбу, что ли, сорвало где-то. Я замер с поднятым стаканом, задумавшись о закономерности случайностей, подталкивавших меня по направлению красных стрелок на карте.

Смахнув со стола крошки и разложив на нем карту, я спросил буфетчицу, как пройти к кинотеатру, от которого нужно было искать дом “лодочника”. И снова удивился странной тишине вокруг себя: такая тишина могла сниться, но не могла быть реальностью.

Мы вышли на улицу – была летняя ночь. Текла по селу вечерняя свежесть реки вперемежку с теплыми струями воздуха, пахнувшего пылью нагретых улиц. Тускло светили фонари, блестели витрины магазинов. Нарядные манекены вытягивали руки, будто предлагали постучать в закрытые двери. Дорога круто взбиралась вверх, огражденная с обеих сторон выбеленным известью кирпичным забором. На нем сидели кошки, безмолвно шурились от неоновой света и внимательно следили за нами. Трещали сверчки, шлепали по асфальту босые ноги - звуки ночи сонно угасали в вязкой как вата тишине.

Кинотеатр на краю парка был почти не освещен. Высокие старые тополя вытягивали ветви над куполом его крыши. Даже во тьме я понял, что он как две капли воды похож на тот, возле которого я встретил девушку со свертком. И сразу все стало понятным и ясным.

— Однако, странная манера назначать свидания, — тихо рассмеялся я. — Возможно, никакой лодки не понадобится, хотя мы не напрасно войдем в тот дом.

— Как же без лодки плыть по судоходной реке? Ведь написано...

— Утро нас рассудит. Но даже если путь закончен, я не должен стучаться в этот дом среди ночи.

Через темный парк мы направились в сторону Большой реки. Прошли по пустынной аллее, увидели впереди разноцветные огоньки. Это были автоматы газированной воды.

— Как здорово!— приглушенно вскрикнул Игорек и побежал вперед. — Ты слышишь? Они гудят и все стаканы на месте. Автоматы работают даже ночью. Дай копеек.

— Разве ты хочешь пить после четырех бутылок кефира?

Я вытащил несколько монет. Игорек поставил стакан и опустил одну из них в скважину автомата. Монета гулко звякнула в металлических каналах, стакан наполнился водой, а в тишине еще долго и гулко шипел дозатор. Малыш отхлебнул глоток-другой, замигал от ударившей в нос углекислоты, вылил газированную воду и снова наполнил стакан, прислушиваясь к сверчкам и шипению автомата.

Я шагнул в темноту, надел свитер и лег на лавку, положив под голову сумку, а ему протянул плед:

— Нам надо хоть немного поспать.

— А вдруг мы проснемся утром, а в селе никого? Все работает, а людей нет. Вот здорово!

- Кто же нам даст лодку и продаст обувь? – зевая, возразил я, хотя хотел сказать другое: «Кто встретит нас в конце пути?»

- Так ведь магазины будут открыты, лодку бери, какую хочешь.

— Нет уж, не надо! Мы набродились в одиночку? Спи!

Сквозь темные ветви деревьев я смотрел на небо в звездах и, кажется, не спал, но неожиданно увидел склонившееся надо мной женское лицо.

- Не нашел или не дошел...

- Другой голос тихо рассмеялся:

— Спит, а гостиница через дорогу.

Тряхнув головой, я сел. Рассветало. Две женщины уходили по аллее через парк. Их каблочки неторопливо цокали по асфальту.

Дом «лодочника» отыскался очень просто: не пришлось даже обращаться к прохожим с вопросами. Я толкнул калитку и увидел сухощавого мужчину лет сорока пяти с глубокими залысинами в остатках светлой курчавящейся шевелюры.

— В Каменный лес?— с любопытством взглянул он на меня.

Слегка разочарованный, я кивнул и поздоровался. Хозяин протянул руку, заулыбался.

— Это можно! Лодка здесь, только просмолить ее надо. Ты первый в этом году. К вечеру управимся, и можешь отправляться дальше. Ну, а пол-литру, это уж как положено.

Игорек приплясывал от радости и толкал меня в бок:

— Ночью поплывем, ночью!

— А что босиком?— покосился на мои ноги хозяин.

— Утерял на Большом пороге. Магазин откроют — куплю.

— Ой-ой-ой!— покачал головой «лодочник».—Оттуда все босиком топаешь? Настырный ты парень... Голодный, наверно? Сейчас завтракать будем!

И тогда я спросил с наигранной небрежностью, отводя глаза:

— Семья у вас большая?

— С женой живем,— мимоходом ответил хозяин.— Детей Бог не дал, с родней тоже туго... Обутка-то, размер у тебя какой? Может, что найду.

На берегу реки, разогревая у костра смолу, я не удержался и от другого вопроса, мучившего меня от самого Большого порога - какой резон ему отдавать лодку просто так?

Видно, спрашивали об этом мужчину не впервой.

— Почему — отдавать?— размял он тугую сигарету, настраиваясь на долгий и приятный для него разговор.— Ты ведь не на Северный полюс плывешь. За два дня дойдешь до малого притока, оставишь лодку — против течения все равно не угрести,— а я через недельку схожу туда на моторке и пригоню ее обратно. До осени далеко, может, еще кому сгодится.— Он добродушно похлопал меня по плечу.— Не бойсь — объясню, где лодку спрятать, и дорогу растолкую.— Лодочник задумчиво подымил потрескивающей сигаретой, снова заговорил.— Ваши ребята меня не обманывали. Вот только... Что за лес такой, Каменный? Все обещают, посмотрят, дескат, сами и мне напишут письмом. Адрес мой записывают. Ан нет... Почему не пишут? Кто их знает! Может, и писать-то не о чем. А рассказывают и поют про тот лес по-разному.

Он бросил окурочек в костер, покосился на рабочие ботинки, которые отыскал для меня на чердаке:

- Ты их еще промажь-ка жиром, а то опять собьешь ноги.

Во время полуденного зноя я успел поспать, потом сходил в магазин, купил продуктов на неделю и кое-что из одежды. Последний лучик солнца вспыхнул и погас на воде в заводи, где тихо покачивалась свежеспрошенная лодка. Хозяин, позевывая, спросил:

— Ночевать у меня останешься? А то, смотри, места хватит...

— Ночью поплывем,— заныл малыш.

— Дело твое, конечно. Здесь порогов нет. Пароходы издали слышны. Только за веслами не усни: занесет в протоку — намаешься. Если что, жди меня на острове, через недельку буду и тебя захвачу обратно. Письмо-то напишешь?.. Ладно, ладно, все обещали. Я бы и сам побывал в том лесу, да вверх по притоку на моторке не поднимешься, а пешком я не любитель. Ну, бывай здоров!

Смеркалось. Осторожно, кормой вперед, я начал выгребать на течение, подошел к острову и погнал лодку вдоль его крутого берега. На стрежень выскочил уже в полной темноте и на миг ослеп, будто попал в луч прожектора. Низко над водой желтоватым электрическим светом полыхала громадная луна и река сверкала полировкой черного дерева. Где-то рядом слышался говор запоздавших рыбаков. На невидимом берегу кто-то тихо сказал:

— Вот чудак, на ночь глядя вниз идет!— и крикнул мне:

— Эй, куда ты?

Малыш, улыбаясь, ответил вполголоса:

— В далекие страны!

Его услышали, и спокойный голос обронил невидимому собеседнику:

— Шутник, приключений ищет на свою шею.

Я налег на весла, стараясь спрятаться в лунной тени левого берега. Наконец вддали мигнул и погас последний огонек села. Мы остались наедине с рекой, впереди мелькали бакены и перевальные знаки. Я бросил весла, наклонился над водой и увидел свое мутное отражение.

— Что ж, малыш, твоя взяла: все идет так, как ты мечтал?

Игорек лежал на носовой части, положив подбородок на руки.

— Лучше! Я знал, что здесь хорошо, но что так хорошо... Вот бы всю жизнь плыть и плыть.

Из темноты появился мрачный остров.

— Пойдем протокой, там интересней. Вдруг встретим что-нибудь такое... — шепнул он.

Поколебавшись, я направил лодку в протоку. Любопытная физиономия луны исчезла за нависшими над водой деревьями, торжественный мрак обступил нас. На отмелях, у коряг, шумела вода, устало всплескивали засыпающие рыбы, шуршал по дну песок.

Слева послышался знакомый гул — так шумят перекаты на горных реках. В темени чуть виднелась рябь уходящего в сторону потока. Вода мчалась прямо в мрачный лес и течение стало затягивать лодку. Я изо всех сил налег на весла.

— Не мучайся понапрасну - куда вынесет, туда и вынесет, — предложил малыш.

И я сдался, перестал грести, направил лодку вперед острой кормой. Она несколько раз дернулась, задевая дно. Вода шумела у толстых стволов, возле пней, кустарник хлестал по лицу. Где-то поблизости глазами хищных зверей вспыхивали и гасли то ли светлячки, то ли отблески луны на невидимой воде. Ночные птицы хлопали крыльями, и слышался их пронзительный крик. Что-то знакомое было в звуках этого отчаянного, предупреждающего вопля.

— Ты слышишь? Кто-то кричит: «И-и-горь!» — прошептал малыш. И в следующий миг звуки оформились в слово. Я замер и ясно услышал свое имя: «И-горь! Иго, иго», — кричал ночной лес.

В десяти шагах ничего не было видно. Я напрягал зрение, а скорость увеличивалась. Лодка несколько раз вздрогнула, цепляясь за дно, и остановилась, развернувшись поперек течения. Ширина протоки между кустарником и деревьями была не больше трех метров. Где-то рядом шумел водопад. Еще минута — и течение перевернет нас. Я вскочил, уперся веслом в дно и протолкнул лодку через мель навстречу kloкочущему водопаду.

— Держись крепче, малыш! Доигрались!

Нас тряхнуло, вода хлынула через борта, затем лодку отбросило к каким-то зарослям. Настороженно смолкли голоса ночного леса. Мы поплутали по протокам и вскоре вышли на неподвижную воду. Лодка стояла на месте, и не было слышно ни шума течения, ни звуков леса. Только мертвая тишина да темень.

— Кажется, приплыли. Как бы не пришлось здесь ждать рассвет. Что будем делать, малыш?

Игорек покрутил головой и вытянул руку, указывая направление.

— И что там? — недоверчиво спросил я.

— Не знаю. Вдруг попадем в другую страну, где еще не было людей? Где все не так? — заикаясь от волнения, прошептал он.

— Придумаешь тоже. Здесь места густонаселенные, исхоженные.

— А вдруг вокруг все исхожено, а про это место забыли и где-то рядом необитаемый остров?

Я не стал спорить, прислушался; справа от нас усиливался монотонный шум. Кажется, пароход поднимался против течения. Значит, там судовой ход. Я стал грести на шум и плеск, но к основному руслу реки мы выбрались только к утру. На рассвете вытащили лодку на берег, среди тополей устроили подстилку из травы и уснули под открытым небом.

Я проснулся в полдень. Припекало солнце, деловито жужжали мухи, в тени робко попискивали комары. Голова была тяжела от жары и от духоты. Я сбросил плед, скинул свитер, зевая, поплелся к воде, нырнул с берега и только в воде окончательно пришел в себя. Игорек уже удил рыбу на завтрак.

После ухи мы разложили карту на траве. Я провел ногтем черту на кальке: за ночь не пройдено было и половины пути до острова, где мы должны оставить лодку.

— Что, малыш? Будем ждать вечера или поплывем?

— Я уже ходил по берегу,—сказал он чуть заскучавшим голосом.—Трава высокая, комары, а там, дальше, коровы пасутся.

Мы быстро собрали вещи, столкнули лодку на воду и около часа плыли вдоль яра. Впереди показалась деревня — половина пути была пройдена.

— Не сходить ли нам в магазин? Купим чего-нибудь вкусного.

Игорек поморщился и ничего не ответил. Что-то происходило вокруг нас. Воздух над рекой, казалось, застыл: не было ни дуновения. Впереди, на горизонте, появилось небольшое серое облачко. Оно стремительно приближалось и увеличивалось в размерах. Солнце скрылось, подул ветер и через несколько минут превратился в ураган.

— Малыш, к берегу надо!—закричал я, и мои легкие до боли наполнились воздухом.

Он шурился, подставляя ветру лицо, старенькая рубашка раздувалась пузырем, трепалась грива давно не стриженных волос. С побелевших волн ветер срывал пену и швырял нам в лица, рвал весла из рук. Игорек повернулся ко мне и я понял, что он ни за что не согласится пристать к берегу. Ну и ладно. Преодолевая невероятно упругий воздух, я стал выгребать на самую середину реки. Ветер подхватил песок с правого берега и хлестнул им нам по спинам. Приближалась черная, до самого неба, стена. И день померк в одно мгновение: наступили сумерки и ночь. Песок наждаком впивался в лица. Лодка вздрагивала от ударов волн.

Через полчаса, так же неожиданно, как и начался, ветер стих. Несколько огромных деревьев плыло по воде, белея свежей чистотой излома. Я бросил весла, лег на ребристое дно лодки. Нас тихо кружило и несло неторопливое течение.

— Смотри, вроде лодка плывет — в деревне ветром сорвало!

Мне показалось, говоривший был так близко, будто склонился надо мной. Я сел за весла. Вдали, на берегу, стояла крытая машина, возле нее две едва приметные фигурки людей.

— Кто-то в ней есть,— удивленно добавил все тот же голос.

Опять клонилося к закату солнце. Плескалась рыба в реке, шевелилась трава над водой, раздвигаемая быстрыми щуками. Но поплавок удочки безжизненно тащился за лодкой: рыбе не было до него дела.

— Хороший был у нас день. Ведь мы уже выспались, давай не будем останавливаться на ночлег?—предложил малыш.

Ночь начиналась — как фильм о чудесах; на вершине высокой сопки засветился огонек. Он разгорался на глазах, превращаясь в огненный полукруг. Вскоре огромная круглая луна отделилась от черных контуров горы, поплыла над водой, заслоня робкий блеск звезд.

И снова нас носило по протокам. Призрачные тени метались по ночному лесу, и где-то рядом звучали зловещие крики. Я уже не удивлялся всему этому, будто за двадцать копеек купил билет на долгий, чудной иллюзион и с любопытством ждал, когда закончится представление. При том молча гнал лодку вперед, твердо зная, чем это все закончится: в конце пути я встречу ту, ради которой оказался здесь. Разгадка должна была открыться с минуты на минуту.

В нос ударил резкий запах фермы. В приложении к карте он был упомянут как ориентир, мимо которого невозможно пройти, не заметив, ни ночью, ни в тумане. Час-полтора спокойного сплава — и мы будем возле устья речки, впадающей в русло с правой стороны. Звезды гасли, звуки становились приглушенней. Рассветало.

Небо прояснилось быстрее, чем я ожидал. Течение реки бурлило волнами и водоворотами. Дул холодный ветер с гор. С десятков незнакомых птиц снизились над лодкой, засновали над головой, чуть не задевая меня крыльями: «Иго, И-игорь-рь-рь! И-горь!»

Мурашки побежали по спине от их криков. Я вскочил на ноги, схватил весло, стал отмахиваться от птиц и тут увидел, скрытое рваными клочьями тумана, устье впадавшего в реку притока. Его левый берег, был покрыт низкой шелковистой травой, среди которой, как в ухоженном саду, стояли приземистые деревья. Правый берег притока возвышался темными скалами, вершины которых облепили черные вороны, их крики стелились по реке хриплым перезвоном чугунных колоколов.

Подняться на веслах против сильного течения мне было не по силам. Я подогнал лодку к левому, пологому берегу и, прыгнув за борт в холодную воду, потянул ее за цепь против течения. Метров через сто ноги мои стало ломить от холода, а брюки намокли до пояса. Отсюда, при переправе, бурный поток должен был снести меня к острову. Я налег на весла и не просчитался: лодка вошла в бухту, знакомую по описанию «лодочника», ткнулась носом в вязкий ил. Малыш спрыгнул на берег, высматривая, где полегче вытбраться и тотчас вернулся радостно возбужденный.

— Следы!

Отпечатки копыт были огромны, как лопаты, и вели в глубь острова.

— А вдруг это циклоп?

Засыпая на ходу, я тряхнул головой:

— Если бы они где-то сохранились, то музеях были бы их на чучела.

— А вдруг один остался — и он здесь? — стал спорить Игорек.

Я вытащил лодку повыше на топкий берег, накрепко привязал цепь за толстый пень. Чтобы успокоить малыша, взял дубину и пошел в глубь острова, думая, что какая-нибудь отбившаяся корова, наверняка шлялась по нему. Не хватало, чтобы она наступила на меня сонного или обложила лепехами... А спать хотелось так, что подгибались ноги, от зевоты сводило челюсть.

Остров узкой полосой суши вытянулся по течению метров на пятьдесят. Верхняя его половина была низка, заилена и едва прикрыта кустарником; нижняя - возвышалась над водой метра на полтора. На ней покачивались от ветра могучие деревья. Коров на острове не было.

На уютной полянке я наспех настелил травы с ветками, лег, укрывшись пледом, и моментально уснул, не обращая внимания на суетящихся муравьев, жучков, на попискивавших комаров. Проснулся я оттого, что меня кто-то тормозил за плечо. Судя по зною, был полдень. Не понимая, где нахожусь, я поплотней натянул плед на голову, но услышал смех и незнакомый женский голос:

- Игорь, проснись, это я, Лена!

Я с трудом начал приходить в себя.

— Давно жду!— звонче и веселей прозвучало над ухом и чья-то рука шаловливо взъерошила мои волосы. Я открыл глаза, увидел траву, сообразил, что нахожусь на острове. Сел, скинул плед. Передо мной, поджав ноги калачиком, сидела девушка в простеньком купальнике. Капли воды дрожали на ее коже, бронзовой от густого деревенского загара.

Я взглянул на нее, не веря своим, сонным еще глазам, хотя давно ждал именно этого. Улыбка медленно сползла с ее лица. Девушка вскочила на ноги и удивленно всплеснула ладонями.

— Ой, это не Игорь?!—пролепетала, отступая к высокому берегу, и уже наклонилась, собираясь прыгнуть в воду.

— Постой!—крикнул я, сбрасывая плед, и жадно вглядываясь в ее лицо.—Меня тоже зовут Игорем. Того, которого ты ждешь, я обошел возле Большого порога, он скоро будет здесь!—Слова появились сами, может быть, для того, чтобы задержать ее:—Постой, не уходи!— шагнул я в ее сторону.

Девушка выпрямилась. Удивление на ее лице сменилось любопытством, глаза внимательно и иронично скользнули по мне. Она смущенно прыснула, закрыв лицо ладонями, рассмеялась, прыгнула в воду, переплыла протоку и стала подниматься на крутой берег.

Мысли мои путались, чувства были смятены. Я смотрел ей вслед и не мог понять, та это была девушка или другая: мне помнился ее взгляд, несколько жестов, а лицо забывалось. Подошел Игорек, молча поставил на траву котелок с ухой. Спросил виновато:

— Мы сегодня пойдем дальше или останемся до утра? Рыба хорошо клюет.

— Куда идти?— хмуро опустил я на землю и обхватил руками колени. То, что я не мог вспомнить лица девушки, давшей мне карту, очень расстроило меня.

— Как — куда? В Каменный лес!

— Мне кажется, малыш, нет никакого Каменного леса, нас жестоко разыграли,— я помолчал и кивнул в сторону высокого берега.— Разве не видел?

— Почему разыграли? Мы прошли больше половины пути, карта не лжет. Почему же не может быть леса?

Я сбросил свитер, собираясь искупаться.

— Действительно, карта не лгала, может быть, и не солжет... Тебе не солжет... А мне этот лес—как козе баян: вот и получается—Федот, да не тот!

Я нырнул с того самого места, где стояла девушка, прохладная вода приятно охладила обессиленное сном тело, посвежела и прояснялась голова. Малыш сидел возле котелка, не притрагиваясь к еде, сосредоточенно думал о чем-то. О чем он мог думать, кроме Каменного леса?

— Эх, Каменный лес — лес чудес,— усмехнулся я, растирая мокрое тело сухой рубахой.— Скорей всего все чудеса в их ожидании: потому-то никто ничего толком не знает об этом лесе или все стыдливо помалкивают, потому что позорно обмануты. Ну, конечно, лучший выход из такого конфуза — дать обмануться другим.

Я перехватил недетский взгляд Игорька и начал оправдываться:

— Так устроен мой мир, малыш, куда бы ни отправился парень в двадцать лет— он ищет девушку, Василису. И что бы он ни делал — все делает для нее.

— Скучно,— угрюмо возразил Игорек, нарезая хлеб кусками.— Как в кино: живет человек — интересно живет, приходит любовь — это еще ничего, а потом такая скука, что дальше лучше не смотреть.

Что-то похожее смутно вспоминалось и мне, но я упрямо тряхнул головой:

— У меня должно быть все иначе. По крайней мере, я еще на это надеюсь.

Уха получилась на славу: душистая, наваристая, с запахом дыма.

— Где ты научился кашеварить, малыш? Ведь тебе тринадцать?

Игорек грустно улыбнулся.

— С семи лет я готовился к этому путешествию... А ты не хочешь пройти еще несколько дней...

Мне стало неловко перед мальчишкой за свое нытье, и тут в голову пришла дельная мысль, но высказал ее он:

- Может быть, она тебя ждет в Каменном лесу?!

Мы сложили в лодку наши вещи, переправились через протоку, выгрузившись на крутом правом берегу, отогнали ее на прежнее место. Насколько смог я вытащил ее из воды и крепко обвязал пень цепью, продетой сквозь уключины весел. Затем, окинув взглядом остров, на который возлагал большие надежды, вздохнул тайком: что ж, придется пройти путь полностью. Может быть, это для чего-то нужно.

Я прыгнул в воду, легко переплыл протоку и стал собираться. Закончился беззаботный сплав по реке, дальше предстоял пеший подъем в горы.

Мы поднялись на пригорок, куда с острова, по карте, перескакивали красные стрелки. Вдали виднелось небольшое село. Скот на далеких лугах мирно жевал траву. Колючий, сухой кустарник цеплялся за ноги, душная трава местами скрывала нас с головой. Нудно попискивали комары, воздух был неподвижен. Игорек уже не веселился, то и дело повторяя с вымученной улыбкой:

— Скорей бы наверх. Там хорошо: много воздуха и прохлада!

Следующий день был не лучше. Мы шли по болоту. Высокие кочки путались под ногами. Каждый десяток шагов давался невероятными усилиями. Мне было жаль мальчишку, но время от времени я не мог сдержаться, чтобы не съязвить:

— Так какие чудеса нас ждут в Каменном лесу? Может, повернем обратно?— Действительно, можно было вернуться на остров и ждать лодочника. Продуктов нам хватило бы. Но очень уж стыдно было возвращаться на буксире.

Наконец мы выбрались на возвышенность. Свежий ветерок студил искусанную гнусом кожу. Небо было затянуто тяжелыми облаками, сквозь них светило тусклое солнце. Болота, душные заросли остались внизу. Похолодало. Вокруг громоздились угрюмые скалы. Я приглядывался к ним, но ничего похожего на каменные деревья не замечал.

Во второй половине дня, в блеклых лучах солнца, мы вышли к горному озеру, которое походило на громадную дольку мандарина. Вокруг не было видно ни кустика, ни травинки. Один берег был крутой осыпью; другой — спускался вниз скалами, будто гигантскими подтеками застывшей лавы. Над темной неподвижной водой стояла хрупкая тишина. Казалось, сорвется с осыпи камень — и воздух рассыплется на мелкие острые частицы, как стекло.

Я глядел на озеро, ежился от холода и суеверного страха. Малыш удивленно озирался. Он глубоко вздохнул и резко крикнул. Котлован вздрогнул чужими голосами, зловещими воплями заметалось эхо. Гул нарастал, превращаясь то в язвительный хохот, то в добродушный шепот. Взлетела стая куропаatok. На другом конце озера, на белесой седловине перевала, появилась фигурка медведя. Зверь уходил вверх и оглядывался по сторонам. Многоголосое эхо преследовало его.

Наконец над озером снова установилась прежняя хрупкая тишина. Я приложил палец к губам и осторожно взвалил сумку на плечи. Малыш уже и сам понял, что лучше не шуметь. На его лице застыла гримаса восторга и ужаса. Мы стали подниматься к снежному перевалу, на котором несколько минут назад был медведь. Что делать? Стрелки карты вели именно туда.

Горы стали еще мрачней. Исчезли последние рассеянные солнечные лучи. Началась гроза. Но странной была она: через каждую секунду вспыхивала молния и хлестко грохотал гром. Потрескивал полиэтилен на плечах, с металлических предметов сыпались искры, мои волосы тянулись к пленке, как гвозди к магниту.

Мы присели под дождем, дрожащими от холода руками развернули карту. Я проследил за стрелками: до Каменного леса оставалось всего ничего. Но вокруг по-прежнему были только скалы, дождь и спуск в туман. Там, внизу, едва виднелась падь, изрытая селевым потоком.

По плотному снегу мы заскользили вниз, с содроганием представляя себе ночевку под дождем и без дров. Я старался не думать, почему в Каменный лес не ходят дважды, и тут заметил землянку, сложенную из камня. Сначала я не поверил в нее, потому что на карте избушка не была обозначена, а карта пока не лгала. Но землянка была, а в ней жестяная печурка и охапка дров.

Мы проснулись от утренней стужи. Экономно подбрасывая в печку последние ветки, вскипятили воду для чая. Утро выдалось туманным. Судя по карте, мы уже должны быть в Каменном лесу или где-то очень близко от него. Пришлось ждать, когда ветер разнесет облака. И пока было время, мы натаскали к землянке промокших корней стелющегося кустарника для других путников. Или для себя, если придется возвращаться. Кто знает, что такое Каменный лес и как он нас встретит? Туман редел, плавно сползая вниз.

- Пошли, малыш! Если что, вернемся.

Мы опять начали спускаться в угрюмое ущелье, перепрыгивая через валуны, скользя по снежным островкам, среди которых зеленела редкая трава. Появился ручей с низким кустарником по каменистым берегам. В который уже раз за этот день я развернул карту: озеро, перевал, Каменный лес. Скорей всего эта черточка посреди леса и обозначает ручей. Но где же лес?

Волна тумана медленно схлынула, и я увидел, что сижу среди причудливых скал. Каменные столбы, напоминающие контуры зверей и людей, были вокруг нас. — Этого не может быть, — шептал малыш. — Нам все снится. — Он встал и, не оборачиваясь, побрел к звериной морде, задуманной каким-то сумасбродным ваятелем.

Сердце гулко колотилось в груди. Я подхватил сумку, оглянулся и увидел то, что искал глазами: это была скала, похожая на слона. Я быстро пошел вверх по ручью, на ходу узнавая ориентиры мелких фигурок, нарисованных на карте, — туда, где последняя стрелка указывала на аккуратный квадрат... Вот пирамида, скальный склон, поросший стелющимся кустарником... Я мог бы ее не заметить, если бы не карта. С волнением я раздвинул кустарник и обнаружил прочную, грубо сколоченную дверь. На ней увеличительным стеклом или раскаленным металлическим предметом была выжжена надпись, стилизованная под какую-то сказку: «Вернешься — увидишь все заново! Через перевал пойдешь — скоро в городе будешь. Прямо пойдешь — пожалеешь!»

— Ну уж, дудки! — пробормотал я, распахивая дверь. В лицо пахло сыростью и духотой ямы. — Приберегите свои шутки для других! Виднелись прогнившие бревна крепи. Я включил фонарик, прошел вглубь метров тридцать. Штольня или тоннель тянулся дальше. «С налета не пройти», — решил я и вернулся на поверхность.

Времени у меня было достаточно — ведь мы у цели. Я собрал сухие ветви можжевельника, развел костер, повесил над ним котелок. Надо было подкрепиться впрок! Несколько бутербродов я завернул в полиэтилен и сунул во внутренний карман. Затем сделал полдюжины надежных факелов. Ко мне подбежал Игорек.

— Пойдем туда, я покажу тебе такое...

— Некогда, Малыш, собирайся, — кивнул я ему на дверь. — Карта вела нас сюда! Он постоял у входа в подземную выработку недовольно понюхал воздух.

— Здесь нет ничего интересного? А там настоящий дом...

— Каменный? — насторожился я, вспомнив свой сон.

— Не то чтобы дом... Узкая такая щель, проходишь внутрь, а среди скал полянка и на ней — трава, — восторженно вытаращил глаза Малыш... — Будто домик.

Я отмахнулся.

— Ты хочешь уйти, так и не увидев Каменный лес? — удивился он.

— Скалы они и есть и скалы. Ну, красивые скалы, эоловы останцы. И что?

— Ты же не был там и там, — указывал он во все стороны, не понимая, что для меня уже все решено.

— И ту скалу, и другую обойдешь, за ними опять скалы, трава или песок...

— Я не уйду отсюда! — решительно заявил он. По его лицу видно было, что уговаривать мальчишку бесполезно.

— Ну что ж! Неизвестно еще, куда ведет этот ход. Может быть, я вернусь к вечеру, как знать, — сказал я, сам себе не веря. — А если не вернусь... Ты ведь

опытный путешественник?.. Видишь седловину между вершинами? Это перевал. За день-два сможешь выбраться домой. Для такого парня, как ты, это пустяк. Я оставлю тебе все вещи и продукты. Вот только фонарик. Ладно, бери и его. Я встал, смутно ощущая вину. Хотя в чем она, если нам не по пути? Отводя глаза в сторону, он протянул мне руку;

- Фонарик тебе нужней.

- Соблазн был велик и я заколебался.

— Бери, зачем он мне? Темноты я не боюсь.

— Спасибо, малыш, я действительно не надеюсь на факелы. Не грусти, вдруг я вернусь через час.

— Не вернешься,— уверенно сказал он и пошел к причудливым каменным столбам.

Я поджег от костра первый факел и вошел в подземелье. Уже в темноте подступило запоздалое сомнение: может быть, каменный лес и стоил того, чтобы задержаться и узнать его поближе. В спешке я что-то терял. Но иначе нельзя. Таинственный ход, еще более загадочный и обнадеживающий, должен был вести к ней.

Под ногами чавкала заплесневелая грязь. Чадил факел, сжигая и без того удушливый воздух. Я почти бежал, прикрывая голову свободной рукой. На лбу набухла огромная шишка. Ноги разъезжались в грязи. Я остановился, от угасающего факела поджег другой, подождал, когда он разгорится в полную силу, и снова ринулся вперед. Искры плавным шлейфом оставались за моей спиной.

Воды в выработке становилось все больше. Я уже брел по колено в ней и с беспокойством думал: «Хорошо, что нет ответвлений хода, если что — смогу и в темноте, на ощупь вернуться обратно в Каменный лес. Вода поднималась еще выше, и местами я проваливался в нее до пояса. Погас последний факел. Я бросил его в воду, и он устало зашипел. Оставался только фонарик, а его батареек хватит не больше чем на полчаса, да и то при экономном включении. Темнота, как грязью, залепила глаза. Я стал пробираться вперед, ощупывая рукой скальную стену выработки: фонарик мог еще пригодиться.

Замерцала впереди светящаяся точка. Вода с каким-то иным звучанием булькала за спиной. Сердце билось учащенно. Уже отчетливо был виден полузасыпанный обвалом выход из тоннеля. Мне пришлось согнуться вдвое, потом проползти на четвереньках. В лицо дохнул нагретый солнцем воздух. Я втянул его в себя так, что закружилась голова. Но после гор и лесов почувствовал в нем угарный запах города. Раздвинув прошлогоднюю траву, я выкарабкался на поверхность и застонал, щурясь от солнца.

Первым моим желанием было вернуться в Каменный лес. Но я опустил в пропыленную траву. С голого склона сопки, куда вывел ход, видна была как на ладони, территория леспромхоза, узкоколейка с игрушечными вагончиками. У полотна сидели люди и ждали отхода поезда. Подошел тепловоз, ткнулся в состав, через несколько секунд до меня донесся лязг железа.

А на другом конце заброшенного тоннеля был сказочной красоты Каменный лес, увиденный только мельком, и зловещее озеро, и река. Как все люди, не отличающиеся силой воли, я сказал себе: ничего, вот отдохну и вернусь. Солнце над моей головой пылало душным слеполуденным зноем июля, трава пахла пылью и мазутом.

Прошло десять лет. Я так и не побывал в Каменном лесу, хотя несколько раз собирался провести там отпуск. За эти годы многое изменилось в стране, в моем городе и во мне самом: я был два раза женат и снова холостяковал. Знакомые женщины чутьем улавливали произошедшую в моей жизни перемену, уклонялись от случайных связей и навязывали нечто большее, но не то, что мне было нужно.

В наш город приехал нестареющий потрясатель сцены. И десять, и пятнадцать лет назад он был едва ли не вдвое старше меня, но на телевизионных экранах, по внешности и повадкам, оставался прежним юнцом. Он никогда не был королем даже в каком-нибудь полузабытом году, но всегда был одним из известнейших, прочно вросших в свою железобетонную третьесортность.

В театре провинциального города ожидался аншлаги и я решил использовать случай, купив на концерт два билета. Певец меня не интересовал, хотелось познакомиться с женщиной, которая обо мне ничего не знает: с простой и доброй, без претензий и запросов: с одним единственным и уникальным по нашим временам талантом жены. По крайней мере, в толпе незнакомых людей выбирал я, а не меня - как это происходило с моими прежними женами.

Начинался апрель, в студеном рассветах продрогшие за ночь воробьи уже устраивали под окнами радостный весенний галдеж. Природа брала свое. В полдень на асфальте появлялись лужи, а к вечеру под сапогами похрустывал лед. Сигналили на перекрестках машины, грохотали трамваи. Город зажигал ночные огни рекламы, становясь похожим на заграничное захолустье из фильмов моего детства.

Я стоял в десяти шагах от парадного входа в театр, как человек, назначивший свидание, и вскоре узнал ее, хотя уже темнело. На этот раз она была в коротенькой шубке и в вязаной шапочке. Чуть приподнятые плечики, самоуверенно задранный носик, некрупные, ходульные, по нынешней моде, но и не мелкие шажки – все та же незнакомка из загородного клуба.

Между нами оставалось шагов пятнадцать, когда она взглянула мне в глаза. Я вынул из кармана руку с парой билетов на концерт и как флагом помахал ими над головой. На этот раз ей было лет двадцать пять. В самый раз.

- Именно один лишней! – самоуверенно сказал я, протянул ей билет и уже в следующий миг пожалел о своей поспешности. Под слоем грима промелькнуло выражение такой непосредственной радости, что я испугался – не шестнадцать ли тебе, милая?

Может быть, я подавил бы свою врожденную деликатность, скорчил бы наглую физиономию, и сказал бы: «Плыви к папе, детка!» Но, взглянув на нее в другой раз, успокоился – если не двадцать пять, то, по крайней мере, на двадцать три года она выглядела. Все шло по плану и выбор был за мной. Я небрежно покосился на смятый миллион в ее ладошке, пожал плечами:

- Сдачи нет, рассчитаемся в зале. Место указано в билете.

Она выщипнула его из моей руки, вспорхнула на крыльцо и исчезла за дверью. Я еще несколько минут постоял у входа, выискивая глазами интересующий меня тип. Второй незнакомки, не было. В глубинах фойе прозвучал звонок и я неторопливо шагнул к двери...

Через полтора года после путешествия в Каменный лес была моя свадьба. Женился я по страсти и по мечте, будучи уверенным, что невеста - та самая незнакомка, которая дала мне карту, но вскоре понял, что жестоко ошибся. Она тоже ошиблась, представляя себе брак чем-то вроде безлимитного доступа к исполнению своих желаний за счет мужа. Кроме дальних мечтаний о заграничных пляжах и круизах, в круг ее желаний входили обеды в ресторане, цветы, дискотеки и всякого рода увеселительные клубы. Моей зарплатой хватало на неделю такой жизни. Она становилась раздражительной и на период моего безденежья уходила к родителям. Однажды я бне смог найти денег на цветы к 8 марта и она язвительно посоветовала мне сдать кровь. Видимо что-то произошло с моим лицом, она вдруг раскричалась:

- Хочешь иметь молодую, красивую жену – плати, или ищи себе кухарку.

Впервые, я посмотрел на нее пристально и отстраненно, заметив, остренькие крысиные зубки. С трудом сдерживая желание раздавить, брезгливо отодрал ее от себя, как клеща, а через год встретил веселую юную спортсменку.

Восходящая звезда конькобежного спорта по-своему любила меня. Но любовь была третьестепенным делом в ее жизни. Между соревнованиями и чемпионатами, междугородними и международными звонками, между тренировками и нужными встречами, нам с ней жилось очень даже хорошо. Она была добрым и отзывчивым другом, которого мне так не хватало в юности.

Вторая жена ничего от меня не требовала, кроме того, чтобы я не мешал ей идти к своей цели. Моей спортсменке грезилась корона: она была ее страстью, предназначением и долгом перед кем-то свыше. В то время я еще не мог понять, зачем калечить нормальную человеческую жизнь ради того, чтобы в какой-то год, среди какого-то круга посвященных, очень недолго почувствовать себя первой и лучшей в мире. А потом, уступив эту корону другой претендентке, исчезнуть и затеряться среди «бывших» королей и королев.

Однажды я сказал ей, что устал от одиночества, от ожиданий и своих вынужденных измен, что я хочу иметь семью, а не партнера, ведь мне уже за тридцать. Она всплакнула, поцеловала меня, собрала медали, кубки и переехала к тренеру. По тому, как он увозил ее, я понял, что они - давние любовники и соратники из недоступного для меня мира.

Разошлись мы проще простого, поскольку не были зарегистрированы. Она по-прежнему звонила мне по датам и по душевным порывам, мы изредка встречались как друзья и как любовники, но никогда не начинали разговор о возобновлении совместной жизни. Она рекомендовала меня своим подругам из «бывших» королев, искренне желала счастья, уверяя, что была бы хорошей тетей моим детям, но сама могла позволить себе стать матерью разве только, получив корону ...

Я вошел в зал, когда он был уже заполнен и последние зрители без разбора занимали пустующие места. Осмотревшись, не сразу узнал свою незнакомку: соседнее кресло занимала вполне взрослая девушка покрупней моей первой жены и помельче второй. Рассеянно поглядывая вокруг, она возбужденно работала челюстью, перемалывая жвачку. Слегка разочарованный манерами, я подсел и представился:

- Игорь Васильевич! Будем знакомы.

- Надежда! – она улыбнулась, перестав жевать, и вновь протянула ладошку с миллионом. Рука у нее была красивой, при взгляде в ее небесно-голубые глаза я на миг почувствовал себя птицей, парящей над майской рекой, правильной формы лицо, прямой нос. Губы... Да! Губы были нарисованы.

- Сдачи у меня нет, - сдерживая зевок, кивнул я на деньги. - После концерта можем зайти в кафе и разменять! – Это был самый примитивный тест на съемность.

Она никак не отреагировала на него: только сжала в кулачке кредитку и быстрее заработала челюстями.

Нетерпеливые хлопки прокатились по первым рядам. Занавес раскрылся и на сцену выскочил певец в легких прозрачных одеждах. Как десять и пятнадцать лет назад на вид ему было тридцать лет. Кумир заскакал, заблеял под дружные аплодисменты, ослепляя зрителей белизной вставных зубов, запел о раздиравших его страстях, все больше распаяясь, разжигая похоть в зрителях. Как дворовой недопесок, оттесненный матерыми кобелями от загулявшей сучки, он с воплями терся о мужиков-музыкантов и их инструменты. Зал гудел, моя очередная незнакомка ерзала в кресле и молотила челюстью свою жвачку.

Мне вдруг стало жаль певца, так откровенно унижающегося перед толпой в свои солидные годы. Чтобы подавить внутреннее достоинство и освободиться от возрастной усталости, он, наверное, травит себя наркотой. А после концертов медсестра откалывает его успокоительными и сердечными препаратами.

Концерт закончился. Незнакомка с обнадеживающим именем Надежда бросила на меня оценивающий взгляд. Она уже не жевала.

- Ну и как? – спросил я.

Она пожалала плечиками и вполне вразумительно ответила:

- Ничего!.. Ничего особенного. Мне хотелось посмотреть на него живьем: а то все по телеку да на афишах.

Чтобы заполнить чем-то вынужденную паузу я начал пересказывать ей слухи о певце из желтых газет. Она вполне благоразумно кивала, помалкивала, и я никак не мог понять ни круг ее интересов и знакомств, ни, даже, ее возраст.

Мы зашли в кафе. Было поздно и безлюдно. Цепко приглядываясь к посетителям, возле стойки покуривали честные проститутки, которых я уважал после первого брака. Ненавязчиво звучала музыка. Я взял пару бокалов, шоколадку и бутылку шампанского, скромно определив размер расходов на нынешний вечер.

- За что же мы выпьем? – спросил, пристально вглядываясь в ее лицо, которое при хорошем электрическом освещении бара начинало беспокоить меня. – За наше знакомство?.. Хотя, если у вас есть предложения...

Она, чуть смущаясь, пролепетала:

- У меня завтра именины. Баба печет пирог... - Эта фраза с головой выдала ее возраст, запакованный одеждой и замазанный макияжем. «Что за времена? – чертыхнулся я. – Иной школярке с виду все тридцать. На другую многодетную матрону посмотришь, ей бы в школу ходить... То ли мир меняется, то ли мы с годами все хуже ориентируемся в нем?»

Я изобразил ничего не значащую улыбку, бросил взгляд на часы над стойкой и подвел черту под неудавшимся знакомством:

- Вот как?! – приподнял бокал. – Ну, тогда за ваши семнадцать лет!

- Восемнадцать! – поправила меня она, смелея. – Когда я родилась, маме с папой тоже было по восемнадцать.

«Года на четыре постарше меня», - усмехнулся я и сказал:

- Ну, что ж, не забудьте завтра от моего имени поздравить маму и папу с именинницей. Я им завидую! Если бы у меня была такая дочь, я бы, наверное, сейчас чувствовал себя счастливей.

- Они не живут со мной, давно, - девушка опустила длинные, похоже, что свои, природные, ресницы и в глазах ее, как мне показалось, блеснули слезы. – Я выросла с бабушкой. Она сейчас печет пирог... - Надя вскинула мгновенно просохшие глаза, в них была надежда на чудо. – Можно вас попросить... Вы извините, если это так глупо. Я в классе всегда врала, что встречаюсь с отцом, а мне не верили... Завтра у меня будут мои школьные друзья – они уже все работают... - Она тряхнула головой и, решившись, выпалила: - Приходите ко мне на день рождения... Пожалуйста. Когда сможете...

Я захохотал, откинув голову. Из облачка табачного дыма в нашу сторону обернулись проститутки, подслеповато щуря свои воспаленные глаза.

- Вы меня покажите друзьям вместо папы? – спросил я.

Она пожалала плечиками и покраснела. Ей очень шло смущение. А мне так не нравились ее ровесницы, искалеченные нынешними телепрограммами, которые под личиной раскованности позволяли себе обыденную наглость.

– Неужели так старо выгляжу? – спросил я, перестав смеяться.

- Ну почему? Совсем еще не старей. – не вполне уверенно пробормотала она, опять смутившись. – Солидный, интересный мужчина... Мои родители сразу после школы поженились, а потом разошлись.

Ее приговор подстегнул меня – надо было торопиться, ведь мне, действительно, шел четвертый десяток. Подумать только, уже пережил Христа, а толком еще ничего не сделано. Два брака, поход к Каменному лесу, и тот с брачком. В мои годы люди докторские диссертации защищают, а я, всего лишь пишу кандидатскую, которая никем никогда не будет востребована. Впереди – пустота. У моей второй жены была хотя бы цель – пусть эфемерная, обманная, картонная, но Корона.

- Бабушка тебя не потеряла? Уже поздно. Ты в каком районе живешь? – грубовато перешел я на ты.

Она назвала район, в котором я не был с тех самых пор, как получил там карту. Вспомнилась весна, загородный клуб со снесенным куполом, тополя, солнце и иллюзии. Молодость – это иллюзии и ничего больше. Как только начинаешь это понимать – возврат к прошлому невозможен.

- Тем более пора спешить, - тайком вздохнул я. – Район ваш нынче пользуется дурной славой. Трамвай уже не ходит. Доедай-ка шоколадку и вперед – к бабе. Я тебя посажу на мотор, - как-то ворчливо, по-отцовски забрюзжал вдруг я, входя в роль папаши.

Я взял ее за руку, помог застегнуть пуговицы шубки, демонстрируя, что она моя взрослая дочь или юная сестра. Взоры проституток стали томны и внимательны.

- Телефон есть?

- Угу!

- Записываю, - щелкнул я авторучкой и дал ей свою визитку. – Значит, так: приедешь домой – сразу звони. Если в течение получаса не будет звонка – сам звоню бабушке.

Я остановил такси. Лицо шофера не понравилось. Второй седоусый пенсионер-шабашник вызывал доверие, хоть и заломил цену не по совести. Я оплатил ему вперед не торгуясь, записал номер машины.

- Значит так, папаша! Подвезешь к самому дому и проследишь, чтобы в подъезде ее не обидели. Потом свободен. – Раскрыв дверцу, я нарочито громко сказал: - Бабушку поцелуй и, звони сразу как приедешь, иначе РОВД на рога поставлю.

Я хотел чмокнуть ее в щеку, чтобы показать шоферу какой я заботливый брат или отец, но наткнулся на податливые, отзывчивые губы.

- Обо мне никто так не заботился, - с благодарностью всхлипнула она на ухо.

Звонок телефона в моей квартире раздался ровно через полчаса. Была полночь.

- Игорь Васильевич, вы придете завтра? – спросила она голосом школярки, получившей четвертную двойку по пению.

- Приду, - сказал я. – Диктуй куда. – И пробормотал: - У меня должок перед вашим районом.

Она назвала адрес и опять попросила, волнуясь:

- А можно, перед друзьями я буду называть вас на «ты»?

- Да хоть сейчас называй, мне будет только приятно.

«Хорошая девчонка, - думал, кладя трубку на аппарат. – Эх вы, родители... Ромео и Джульетта XX венка».

Весна выдалась на редкость капризной: то светило солнце и теплело на улицах, то примораживало, как в январе. Я вышел из трамвая. С хмурого неба сыпалась белая крупка, ветер нес ее по застывшим лужам. Знакомый клуб был выкрашен, гордо поблескивал восстановленным куполом и крестом. Пожилая монахиня неторопливо выметала высокое крыльцо. Из-за кованной подновленной двери вышел румяный рыжебородый поп в рясе. Поеживаясь на ветру и весело жмурясь от падающей на ресницы крупки, он зычно пробасил:

- Отдохнула бы, матушка, - и, размахивая широкими рукавами, направился к приземистому домику с крестом над воротами.

Район и прежде был ветхим, но чистым. Когда-то здесь жили приличные люди. Теперь он стал откровенно убог и грязен. Мусорные кучи высились прямо за воротами домов и во дворах бараков, пластиковые бутылки валялись под заборами, за которыми была слышна нерусская тарабарщина.

Двухэтажный дом из почерневшего бруса, где жила именинница, был родным детищем района: деревянная лестница с выломанными перилами и пропахшая мочой, шприцы, бутылки и окурки на площадке между этажами. Я нажал кнопку звонка. Дверь распахнула она, в лицо мне ударила волна грохочущей музыки и запах праздничного стола. Надя, раскрасневшаяся и счастливая, пискнула и повисла у меня на шее. Я похлопал ее по спине, подыгрывая, ради той, предопределившей многие мои удачи и неудачи.

Квартира была очень скромной и очень чистой, с забубенным уютom поддерживаемым только женскими руками. В тесной комнатке за накрытым столом сидели две девицы и четверо парней. Я был усажен на почетное, давно

ждущее меня место, по почтительно примолкшим голосам понял, что «папу» с любопытством ждали и теперь смущены его респектабельным видом.

Двое парней с сереющими лицами и остекленевшими глазами были типичными представителями будущего слоя отечественных алкоголиков. Третий - спортивного вида и со здоровым цветом лица, на котором уже складывалось выражение холуйства и надменной наглости, видимо, возил или охранял богатенького предпринимателя. Я сразу прикинул, что он – парень Нади. Неприметная девушка – ее тень, ждущая своего часа, чтобы прибрать к рукам какого-нибудь неудачливого поклонника своей подруги-красавицы, сидела в уголке и тайком наблюдала за мной. Она мне понравилась. Из таких, знающих, чего хотят в жизни, нередко получают хорошие жены.

На первых минутах знакомства только двое были для меня непонятны. Она сидела, вытянувшись в струнку и водила глазами, видимо, срезанная на середине фразы моим появлением. Он – радующийся возможности выпить и закусить, не думать о работе, уже слегка осоловел. Я присмотрелся к ним внимательней и понял, что это юные супруги из бывших одноклассников.

На столе нетронутым был пирог, стояли запечатанными бутылки сухого вина, шампанского и хорошей водки. Под столом стояла пустая, распитая катанка. Едва утихла суэта с моим усаживанием «гусыня» строго повела немигающими глазами и «дошипела», прерванную моим появлением, фразу:

- ... Она на меня матом, а я ей как ска-за-ла – ее от прилавка сдуло...

- Васька вчера прибегает, говорит, десантура на дискотеке выдрыгивается – пойдем бить! – пролепетал юный алкоголик.

- А вчера, - водя глазами, продолжала Гусыня, - бабка прикопалась... Я ей как сказала...

Трезвый шофер, поигрывая мускулатурой под цветастой майкой, переводил глаза с именинницы на ее тихую подругу.

Небрежно залепив «дочке» поцелуй в раскрасневшуюся щеку, я сунул ей коробочку с настоящими французскими духами, оставленными моей второй женой. Лицо Надежды запылало. О том, что духи из Парижа, а не какая-нибудь подделка, я объявил, оставляя возможность додумать, откуда прибыл «папа». Затем по-хозяйски открыл бутылку шампанского и наполнил бокалы; начал с тоста и поздравлений, а закончил перспективой. При этом врал направо и налево.

Глаза юного охранника затуманились и он стал внимательней поглядывать на подружку Нади... «Вот это уже лучше, - подумал я, слегка торжествуя. – Она из тебя человека сделает».

Посидев с полчаса и чувствуя, что смущаю компанию, я стал собираться.

- А пирог? – глаза именинницы растерянно дрогнули.

- Закончу дела и мы с тобой посидим вдвоем, - сказал я для юного охранника.

Она прижалась щекой к моему плечу и пролепетала:

- Мы ведь еще встретимся, правда?

- Конечно! – солгал я.

Все так же сыпалась с неба крупка. После грязного подъезда морозный воздух кружил голову. Я взглянул на новый купол восстановленной церкви, на тускло поблескивающий крест и, сдерживая подступавшие слезы, всхлипнул:

- Господи, как все это пошло. Но, что же делать, что делать, Господи?

Полупустой трамвай вывез меня к центру города, где язвы времени не так откровенно резали глаза. Можно было зайти в бар и выпить «соточку», но никого не хотелось видеть, и я купил бутылку водки в магазине, зарекаясь, что не выпью ее целиком.

Дома, среди стен, стало легче. Я заперся, поставил бутылку в холодильник, оттягивая момент выпивки. Включил телевизор. Транслировалась обычная пошлость, да еще иностранная. Пошарив по каналам и не найдя ничего интересного, я выключил звук и чуть было не решился свернуть с бутылки пробку. Но, волевым усилием сел за стол и раскрыл папку с рукописью.

Прошло часа полтора. Раздался звонок в прихожей. Я открыл дверь и остолбенел. На пороге стояла Надя с пакетом в руке.

- Ты как узнала мой адрес?

- Я работаю на АТС. Зная телефон, узнать адрес – пустяк! - ничуть не смутилась она и добавила с наигранной самоуверенностью: – Сейчас мы будем пить чай.

- А если придет моя жена и застанет нас? - проворчал я.

Она окинула квартиру оценивающим взглядом:

- Женщина здесь не живет. Да и ты не похож на женатого, - рассмеялась. Затем, не желая замечать моего раздражения, прошла на кухню и стала накрывать стол. При том ни о чем не спрашивала и не отвлекала меня от рукописи.

Холодом заброшенной подземной выработки пахнуло из раскрытой форточки. «Ну вот, - с тоской подумал я. – Каменный лес опять промелькнул где-то в тумане: не узнанный, не увиденный. Впереди тоннель. Что на том конце – я знаю.

Пирог действительно был необычайно вкусным – бабушка знала толк в стряпне. Я ел, односложно отвечая на ее вопросы. Она же о чем-то восторженно щебетала. Ее душа жаждала чуда, которое запомнилось бы на всю оставшуюся жизнь. Что мог дать ей я? Карту маршрута в Каменный лес? Об этом смешно было даже думать.

- Пойдем на набережную, погуляем, - предложила она. – Сегодня такой необычный, такой чудный день.

- Не могу, милая доченька, - сказал я как можно ласковей. – Мне нужно закончить работу. – Но, увидев ее лицо, торопливо поправился: – Разве только часа через полтора...

Она не могла ждать. Она спешила к своему несбывшемуся и предназначенному, к тому, о чем, возможно, будет сожалеть всю дальнейшую жизнь. Ей нужно было торопиться: ведь этот весенний день убывал.

- Ну, тогда я одна! – вскочила она, стараясь скрыть досаду. Оделась, не глядя на меня, выскользнула за дверь, не показывая обиды и разочарования.

Я сел против телевизора, чуть прибавил звук и стал редактировать текст почти готового раздела. Нелепость и бессмыслица корчили рожи с каждой строчки рукописи. Тяжелая дремота залепляла глаза, строчки расплывались, голова то и дело моталась.

- Какая пошлость! - опять пробормотал я и увидел Игорька, оставленного в Каменном лесу. - Ты вернулся, малыш? – пролепетал непослушным языком и благодарные слезы стали наворачиваться на глазах. – Но как отвратительно ты повзрослел...

На нем была бейсболка козырьком к затылку и яркая, балахонящая майка. Я всмотрелся в его лицо и с ужасом заметил, что в нем появились негроидные черты. И Малыш, безобразно кривляясь, вдруг завопил: «Пейджер – пепси! Пейджер – пепси!»

Я вскочил с кресла. Рукопись разлетелась по полу. Гулко стучало сердце, холодный пот выступил на лбу. Рука вырвала кабель из розетки - экран телевизора с кривляющимся ублюдком погас. Включив свет на кухне я с жадностью напился из-под крана холодной воды с сильным запахом хлорки.

«Ну, вот и все: - подумал, - пора исканий и молодости закончились. На корабле появилась течь и пора грести к берегу». Разбрасывая бумаги, я торопливо отыскал старую карту. На пожелтевшей кальке, потрескавшейся по сгибам, еще различим был телефон дяди Леша, записанный когда-то в брошенной деревеньке. Я набрал его, надеясь на чудо, ведь за десять лет переменялся мир, что там телефон. Мне ответил настороженный мужской голос. Я начал издали, чувствуя, как на другом конце провода нарастает раздражение.

- Да, он жив и лежал здесь, у нас, до недавнего времени... Сейчас - в больнице, надежды мало, что выкарабкается.

- Его дом в деревне цел? – спросил я напрямик.

- Осенью был цел, - оживился голос. - Там еще три бесхозных дома и все нашей родни: подремонтируй и живи.. Если сможешь. Но, ни магазинов, ни работы и жителей уже нет никого. Вы дом хотите купить?

- Хочу!

- Продадим! Нам сейчас не до деревни. Нужны деньги. Узкоколейка не работает, но дорога туда есть, на хорошей машине часа за три добраться можно... Столько земли, покосы, огороды, да там крепкий мужик может так развернуться...

- Сколько? – напрямик спросил я.

- Тысячу! - неуверенно проговорил голос и стал оправдываться. – Ну, куда уж дешевле-то, можно сказать, всю деревню покупаете.

За тысячу долларов дом не построить. Это была, конечно, смехотворная цена за жилье, но непомерная за брошенный дом, который и без денег можно было занять на радость хозяевам: чтобы только его не сожгли и не растащили.

- Пусть тысяча! – оформление документов и налоги из них. Но, на этой же неделе мы должны оформить сделку как положено. Записывайте мой телефон и начинайте собирать документы.

- Да у нас все собрано. Осенью еще хотели продать, но не получилось, - простодушно признался наследник.

Все складывалось самым благоприятным образом, будто мой плот наконец-то попал в нужную и единственно верную струю реки, которую обязан чувствовать хороший плотогон. После десяти лет изнурительной гребли против течения это воодушевляло. «Сегодняшний день, действительно, может стать днем чудес! – пробормотал я, просчитывая свои финансовые возможности. – Теперь мне должно повезти».

Зазвонил телефон и я почувствовал, что это Надя. Голос ее был печален.

- Уже вечер! Все напился и разбрелся, оставив гору грязной посуды. Один Димка трезвый: он за рулем. Пытался затащить меня, даже не в постель, а в машину своего хозяина... Ты – это лучшее, что сегодня было. Ты умный, культурный, образованный. Скажи мне правду: неужели больше уже ничего не

случиться? – всхлипнула она, и где-то рядом проурчала машина. Надя звонила из автомата.

То, что я решил сказать, не было помутнением разума: в том был расчет и результат долгих размышлений, обретающих наконец законченную форму.

- Чудо возможно и прямо сейчас... Выходи за меня замуж!.. – сказал я. - Но это еще не все. Если ты скажешь «да», мы уедем в глухую деревеньку, где никто не живет, но где есть все, для того, чтобы жить и быть счастливыми. Мы будем строить свой дом, растить своих детей и возделывать свою землю. Мы будем жить скромно, но в нашей жизни будет смысл. А это самое главное, поверь.

Я услышал, что она плачет и мне стало жаль ее.

- Ну, что же ты, малыш: - спросил я как можно ласковой.

- Я ждала, вдруг ты скажешь, что любишь меня. А потом мы будем гулять по ночному городу...

- Девочка! Любви с первого взгляда не бывает! Ты говоришь про страсть. Не твоя вина, что путаешь ее с любовью - это болезнь века. Ты не безразлична мне, я гляжу в твои глаза и будто в небе летаю. Но, поверь мне, любовь нужно строить и создавать, ее нужно растить в себе, как ребенка. И счастье искать глупо, его нужно делать. Если мы решимся, то обвенчаемся в вашей церкви, чтобы не было соблазна к отступлению, потому что будет очень трудно...

Она уже не скрывала слез и даже тихонько подвывала.

- Для чего же тогда уезжать?

- Здесь мы будем только солдатами: придатками и винтиками города. У тебя будет своя атс, у меня работа, мы будем жить в одной квартире и в разных мирах, мы будем вечно недовольны друг другом и все нам будут мешать: даже дети. А над нами как палач будет маячить тоска по иной жизни. Город не создан для любви, поэтому здесь поют о страстях.

А там, мы будем строить свой дом. У нас будет много детей, и все они нам будут нужны. По большому счету мы будем строить свое справедливое государство – семью, где ты – подлинная государыня, а я – государь. И тогда, даже если весь мир свихнется – мы будем правы: короны глав семьи – самые надежные короны. А если мы сумеем создать свое справедливое государство-семью, наши дети и внуки понесут его идеал в будущее, и тогда, впереди у нас – вечность... - Меня прорвало. Размышления последних лет рвались с языка. Я бы говорил дольше, но она, всхлипывая и хлюпая носом, спросила, остановив меня.

- А бабушку мы возьмем с собой?

- Мы будем умолять твою бабушку и мою маму, чтобы они отправились с нами. Там каждые руки бесценны.

- А сегодня мы погуляем?

- Малыш, мы будем гулять столько, сколько тебе захочется. Я уже одеваюсь. Где встретимся?

Слышно было, что она все еще плачет, но это были уже иные слезы, чем минуту назад.